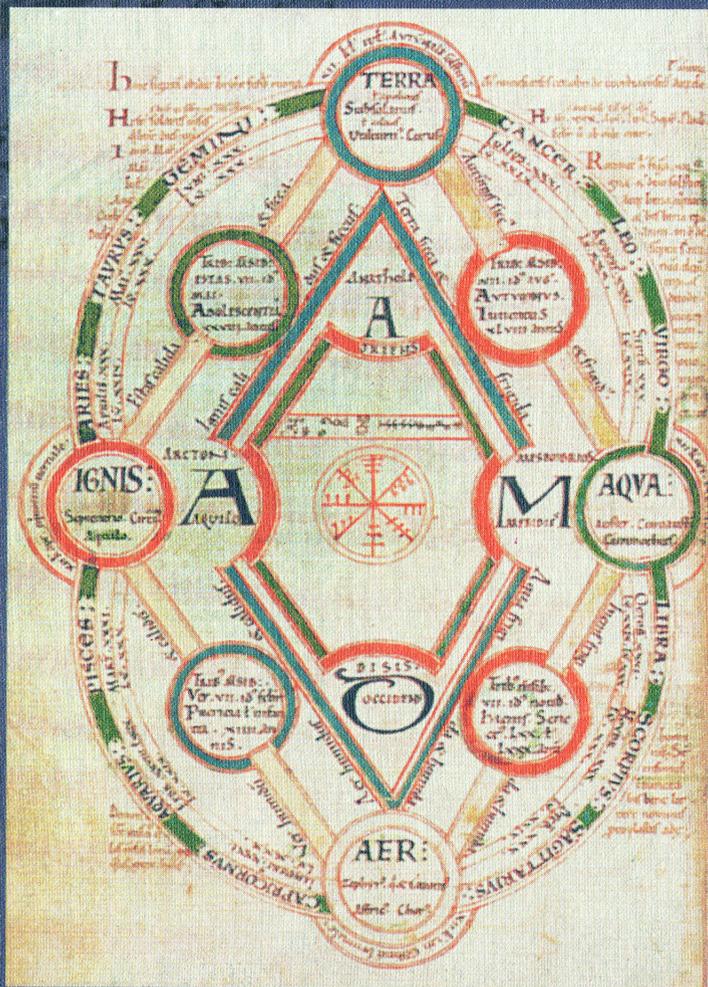

ФИЛОСОФИЯ
ПРИРОДЫ

В античности
и в средние века

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ

В античности
и в средние века

Институт философии
Российской Академии наук

**ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ
В АНТИЧНОСТИ
И В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

PHILOSOPHY OF NATURE
IN ANTIQUITY
AND THE MIDDLE AGES

Eds. Piama P. Gaidenko and Valery V. Petroff

Progress-Tradition
Moscow

Российская Академия наук
Институт философии

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В АНТИЧНОСТИ И В СРЕДНИЕ ВЕКА

Редакторы П. П. Гайденко и В. В. Петров

Прогресс-Традиция
Москва

ББК 87.3

Ф 56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(проект № 99-03-16033)

Общая редакция, составление, введение
П. П. Гайденко и В. В. Петрова

Исследования: В. П. Визгина, П. П. Гайденко.

Переводы с древнегреческого, статьи, комментарии: Т. Ю. Бородай, С. В. Месяц,
И. Д. Рожанского, М. А. Солоповой, Ю. А. Шичалина. Перевод Г. А. Иванова
переработан В. В. Петровым, статья, комментарий М. С. Петровой.

Переводы с латинского, статьи, комментарии: В. П. Гайденко, В. В. Петрова,
М. С. Петровой.

Рецензенты:

д. ф. н. А. Л. Доброхотов

д. ф. н. З. А. Сокулер

к. ф. н. Е. Л. Черткова

**Ф 56 ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В АНТИЧНОСТИ И В СРЕДНИЕ
ВЕКА** / *Общ. ред. П. П. Гайденко, В. В. Петров.* М.: Прогресс-
Традиция, 2000. 608 с.

ISBN 5-89826-067-6

Сборник посвящен памяти И. Д. Рожанского (1913–1994) — выдающе-
го исследователя античной науки и философии. Книгу составили статьи
современных ученых и переводы философских трактатов поздней антич-
ности и раннего средневековья. Целиком публикуются переводы тракта-
тов Плутарха, Александра Афродисийского, Плотина, Прокла, Фомы Ак-
винского, в отрывках — трактаты Симпликия, Макробия, Беда Досто-
чтимого, Иоанна Скотта (Эриугены), анонимных каролингских ученых.
Все они подробно откомментированы.

Для историков философии, науки и всех интересующихся историей ан-
тичной и средневековой культуры и мысли.

ББК 87.3

© П. П. Гайденко, В. В. Петров,
общ. редакция, составление, 2000

© Коллектив авторов, статьи,
переводы, комментарии, 2000

© Прогресс-Традиция, 2000

© А. Б. Орешина, оформление, 2000

ISBN 5-89826-067-6

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Дмитриевич Рожанский. Слово памяти (В. П. Визгин).....	11
ВВЕДЕНИЕ (П. П. Гайденко, В. В. Петров)	13

ЧАСТЬ I. АНТИЧНОСТЬ

<i>Гайденко П. П.</i> Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля.....	37
Аристотель и античная традиция трактовки бытия	39
Бытие, сущность и категории	42
Закон противоречия.....	49
Сущность и суть бытия (чтойность). Проблема определения	52
Материя и форма. Возможность и действительность.....	57
Виды сущностей. Вечный двигатель	66
Сущее (бытие) как таковое ($\tau\acute{o} \acute{o}\nu \eta \acute{o}\nu$).....	71
<i>Визгин В. П.</i> Взаимосвязь онтологии и физики в атомизме Демокрита (на примере анализа понятия пустоты).....	78
<i>Рожанский И. Д.</i> Физические воззрения Плутарха	91
<i>ПЛУТАРХ.</i> О первичном холоде (перевод и примечания И. Д. Рожанского)	103
<i>Петрова М. С.</i> Природа души и мира в диалоге Плутарха «О лике, видимом на диске Луны».....	122
Действующие лица диалога	123
План диалога	123
Природа мира	125
Природа Луны.....	126
Природа и свойства индивидуальной души	127
<i>ПЛУТАРХ.</i> О лике, видимом на диске Луны (перевод Г. А. Иванова, примечания М. С. Петровой)	132
<i>Солопова М. А.</i> Александр Афродисийский и его трактат «О смешении» в контексте истории комментаторской традиции аристотелизма	184
1. Александр Афродисийский: философ-перипатетик и комментатор	184
2. Корпус текстов Александра Афродисийского	186
3. Греческие комментарии и комментаторы Аристотеля	189
4. Трактат «О смешении»: перипатетическая критика стоической физики	198
5. Трактат «О смешении»: изложение учения Аристотеля	207

<i>АЛЕКСАНДР АФРОДИСИЙСКИЙ. О смешении и росте</i> (перевод и примечания М. А. Солоповой).....	213
<i>Шичалин Ю. А. Трактат Плотина «Об уме, идеях и сущем»</i> (5 V 9) в связи с проблемой природы	249
<i>ПЛОТИН. Об уме, идеях и сущем (5 V 9)</i> (перевод и примечания Ю. А. Шичалина).....	257
<i>Месяц С. В. Аристотелевская физика в афинской</i> <i>школе неоплатонизма</i>	274
Учение о движении	275
Логическая структура «Элементов физики»	276
Расхождения с Платоном.....	277
Жанр	279
«Элементы физики» как учебник	281
Античные учебники физики.....	282
«Элементы» как особый жанр научной литературы	284
«Элементы физики» в европейской традиции	288
<i>ПРОКЛ. Элементы физики (перевод и примечания С. В. Месяц)</i>	290
Часть I	290
Часть II	300
<i>Бородай Т. Ю. Симпликий и его Комментарий</i>	324
<i>СИМПЛИКИЙ. Комментарий к «Физике» Аристотеля</i> (Книга I, гл. I) (перевод Т. Ю. Бородай)	329
ПРИЛОЖЕНИЕ: <i>Фома Аквинский. Комментарий к «Физике»</i> Аристотеля [Книга I, Вступление, Sent. 7–11]	357
<i>Петрова М. С. Природа мира в Комментарии на</i> <i>«Сон Сципиона» Макробия</i>	361
Универсум согласно Макробию.....	362
Источники Макробия.....	367
<i>МАКРОБИЙ. Комментарий на «Сон Сципиона»</i> (перевод и примечания М. С. Петровой).....	371
Книга I: главы 8–14 и 17.....	371
Книга II: главы 12–13 и 17	394

ЧАСТЬ II. СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>Петров В. В. Тотальность природы и методы ее</i> <i>исследования в «Перифюсеон» Эриугены</i>	417
Представления о <i>природе</i> до Эриугены	421
Понятия <i>natura, essentia</i> и <i>universitas</i> у Эриугены	435
<i>Природа</i> как речь и природа языка	438
Определение <i>природы</i> и природа логического определения.....	443
Бог и сущее.....	448
Двухчастное деление <i>природы</i>	451
Четырехчастное деление <i>природы</i> и диалектический метод Эриугены.....	455

Деления <i>природы</i> как деления диалектики	463
Деления <i>природы</i> как формы созерцания	469
«Перифюсеон»: история текста	474
ИОАНН СКОТТ. Перифюсеон. Книга I [фрагменты 441A–446A; 462D–463C; 474B–500C]	
(перевод и примечания В. В. Петрова)	480
Петров В. В. Каролингские школьные тексты: глоссы из круга Иоанна Скотта и Ремигия из Осерра	530
Что такое средневековые глоссарии	530
Этапы эволюции средневековых глосс	534
Каролингские глоссы и структура данной работы	536
Глоссы к <i>De natura rerum</i> Беда: манускрипты	540
Глоссы к <i>Decem categoriae</i>	543
<i>De natura quid sit</i>	545
<i>Scholica graecarum glossarum</i>	547
Глоссы пс.-Бирхтферта к <i>De natura rerum</i> и <i>De temporibus</i> Беда	549
Ядро глосс к <i>De natura rerum</i> : Гейрик или Ремигий?	550
Содержание глосс к <i>De natura rerum</i>	554
Заключение	559
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
I. ДОСТОЧИМЫЙ БЕДА. О природе вещей (главы I–IV и VIII)	562
II. НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР. Глоссы к «О природе вещей» (главы I–VIII) Беда	566
III. АЛКУИН. Стихотворное введение к «Десяти категориям» и анонимные глоссы к лемме NATURA	578
IV. НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР. Что такое природа	582
V. Описание MSS Paris BN 12949 и Brussels 10.661–10.665	586
VI. Сводная таблица текстов, зависящих от «Перифюсеон» Эриугены	590
Гайденко В. П. О трактате Фомы Аквинского «De mixtione elementorum»	592
ФОМА АКВИНСКИЙ. О смешении элементов (перевод и примечания В. П. Гайденко)	598
Основные труды И. Д. Рожанского	604
Авторы сборника	606

М. С. ПЕТРОВА

ПРИРОДА ДУШИ И МИРА В ДИАЛОГЕ ПЛУТАРХА «О ЛИКЕ, ВИДИМОМ НА ДИСКЕ ЛУНЫ»

В диалоге *О лике, видимом на диске Луны*, Плутарх (ок. 46 – после 119 гг.) говорит о разнообразных вещах, относящихся к астрономии, космологии, географии, катоптрике¹. Это сочинение не является научным трактатом и представляет собой художественное изложение различных научных теорий относительно природы и свойств Луны. Но для современников автора оно было большим, нежели обычной литературной работой, поскольку обсуждаемые Плутархом темы вызывали необычайный интерес у образованных людей того времени.

В настоящей статье² рассматриваются представления Плутарха об устройстве мира, а также о природе и свойствах индивидуальной человеческой души. Но прежде следует сказать о структуре трактата, которая довольно запутанна, тем более, что начало произведения утрачено³. В этой связи полезно не только представить краткий план трактата, предположив о чем шла речь в утраченной части беседы, но и описать действующих лиц диалога и их философские позиции.

---

¹ От греческого *κατοπτρικός* — отраженный в зеркале. Раздел оптики, изучающий построение оптических изображений зеркально-отражающими поверхностями.

² В статье учтены работы: Н. CHERNISS, «Introduction to the English translation of *The face on the moon*», *Plutarch's Moralia*, vol.12 (L.: Harvard University Press, 1968), p. 2–33; W. HAMLTON, «The myth in Plutarch's *De facie* (940f–945d)», *The Classical Quarterly* 28,1 (1934), p. 24–30; Т. MIKODA, «A comparison of the demonologies of Origen and Plutarch», *Origeniana Quinta* (Leuven, 1992), p. 326–332; P. DONINI, «De facie di Plutarcho e la teologia medioplatonica», *Platonism in Late Antiquity*, ed. S. GERSH and C. KANNENGISSER (Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press), p. 103–117.

³ Невозможно установить, сколько текста утрачено.

Действующие лица диалога

Итак, перечислим действующих лиц. Самый первый участник беседы, с которым встречается читатель, — Сулла. Его функции заключаются в подробном изложении мифа в самом конце беседы (940F–945D). О мифе он, по-видимому, упоминает в начале дошедшего до нас текста (920B). Второй персонаж — Ламприй, брат Плуларха — главное действующее лицо трактата. Иногда его роль сводится к пересказу того, что было сказано кем-то из участников ранее (например, 934A), но большей частью Ламприй выступает сам. В диалоге Ламприй — страстный критик стоического учения и защитник позиции академиков (ср. 922F). Следующий персонаж — Луций. Его роль — вторая по значимости после Ламприя — заключается в изложении теорий академиков. Среди остальных персонажей — знаток геометрии Аполлонид (920F), высказывающий неодобрительные суждения по поводу объяснений Ламприя о природе «лика Луны» (933F, 935DE); Аристотель, выдвигающий традиционную теорию перипатетиков о небесных телах (928E и далее)⁴; Фарнак — защитник стоических позиций⁵; авторитет в литературе Феон (ср. 931E, 940A) и математик Менелай. В диалоге роль Менелая незначительна: Луций обращается к нему напрямую только один раз (930A), сам же Менелай никому не отвечает и ничего не спрашивает.

План диалога

Как уже было отмечено, начало произведения утрачено. Однако можно попытаться воссоздать порядок изложения. Так, уже из 937C становится ясно, что Сулла будет рассказывать миф в ответ на тот, который был посвящен природе лика, появляющегося на Луне. Это позволяет предположить, что именно такой миф излагался в утраченной части диалога. В качестве подтверждения можно привести следующие факты: в конце второй главы (920F) Ламприй опровергает положение, выдвинутое в утраченном фрагменте; большая часть из того, что сохранилось и в чем участвует сам Ламприй (главы 2–23) представляет собой не более чем «резюме» и обсуждение положений, высказанных ранее. К тому же в начале 24 главы (937C) Ламприй подводит итог тому, о чем говорилось раньше.

---

⁴ Отметим, что имя «Аристотель» выбрано Плулархом для обозначения представителей школы исторического Аристотеля, названного в трактате «древним» (ср. 920F). Точно так же, например, представитель эпикурейцев в *De sera numinis vindicta* назван «Эпикуром».

⁵ Вероятно, Плуларх выбрал это имя для своих стоиков из-за его азиатского звучания.

Интересно отметить, что главным действующим лицом утраченной части беседы был не Ламприй и не Луций, которые в дальнейшем разговоре, с одной стороны, как бы провоцируют участников на обсуждение тех или иных положений, а с другой, подводят итог сказанному ранее (ср. 921F; 929B; 929F, особенно 921F; 930A; 932D; 933C), но кто-то, кого Ламприй, Луций и Сулла называют «наш товарищ» (929B). Этим товарищем, вероятно, мог быть и сам Плутарх⁶. Это только предположение, поскольку в трактате имя Плутарха нигде не упомянуто, но то, что в беседе участвовал еще кто-то из гостей, не вызывает сомнений (921F; 929B; 929F).

Далее следует речь Феона и ответ на нее Ламприя (главы 24–25). На это место следует обратить особое внимание. Отметим, что сам Ламприй воспринял речь Феона как позволяющую передохнуть после долгих научных рассуждений, назвав ее «шутливой» (938C). Однако этот эпизод не является формальным литературным добавлением. Скорее, это — переход от «научной», главной части трактата, к мифологической. Так, в конце своего выступления Феон задает вопрос о том, «кто живет на Луне и возможно ли там жить», высказывая при этом свое мнение о том, что если жизни на Луне нет, «то Луне нет смысла быть Землей»⁷, усомнившись при этом в ее пользе (937D). В своем ответе Феону Ламприй подробно разбирает что на Луне возможно и что вероятно.

Таким образом, если допустить, что в утраченной части произведения был изложен миф о природе лика Луны, можно реконструировать порядок всего изложения, разделив его на несколько частей:

I. Вступление: утраченная часть — глава I [920BC] — изложение мифа о природе лика Луны неизвестным персонажем, называемым участниками диалога «наш товарищ»;

II. Главная часть: главы 2–23 [920C–937C] — краткое «резюме» и обсуждение всеми участниками беседы услышанных теорий о природе лика на Луне; привлечение мнений различных философских школ; доказательство того, что Луна имеет сходство с Землей (935C);

III. Переходная часть: главы 24–25 [937C–940F]:

а) глава 24 [937C–938C]: речь Феона и его вопрос о роли Луны и возможности жизни на ней;

б) глава 25 [938C–940F]: ответная речь Ламприя Феону о природе Луны;

⁶ Подобно тому, как Плутарх включил самого себя в число пирующих в *Застольных беседах*.

⁷ О том, что Луна — это небесная Земля, сказано в 935C.

IV. Заключительная часть: главы 26–30 [940F–945D] — миф, рассказанный Суллой:

а) *нарративная часть* [940F–942C] — о местоположении острова Огигия, на котором находится в заключении бог Кронос, охраняемый спальниками и слугами;

б) *философско-эсхатологическая часть* [942C–945D] — о природе вселенной, душе, жизни и смерти, действиях демонов.

Природа мира

Говоря о природе мира, отметим, что мир и отдельная человеческая душа взаимосвязаны. Так, трем уровням вселенской иерархии (Солнце–Луна–Земля) соответствуют три уровня человеческого существа (ум–душа–тело)⁸. Вселенная в целом непричастна движению в пространстве, но состоит из несущегося вверх и вниз вещества (943F). Солнце занимает в нем главенствующее положение; как и ум, оно самостоятельно и неподвластно ничему другому. Оно берет только то, что само дало (ум). Солнце у Плутарха выполняет функции Бога.

Луна, как и душа, по своей природе подвержена смещению, поскольку находится между Солнцем и Землей. Она состоит из звездного и земного вещества, проникнута эфиром во всю свою толщу и является существом одушевленным и производящим (943E). Луна стремится соединиться с Солнцем (944E). От него она получает ум, в свою очередь, давая человеку душу, она слагает и разлагает (945C). Луна соразмерна по легкости и тяжести (943F), велика, движется (944A), на ней имеются большие и малые провалы и выемки, подобные земным (944C). Луна состоит из двух частей: верхняя — Елисейские поля — обращена к небу, нижняя — к Земле (944C)⁹.

Земля занимает последнее место. Она бездушна, пассивна и находится в подчинении. Она не дает ничего, возвращая по смерти лишь то, что взяла для порождения (то есть душу и ум) (945C). По природе Земля мягка, ибо состоит из воздуха и влаги (943E). Находясь во власти Деметры, она всегда стремится к Луне, которая находится в подчинении Персефоны (942D), дочери Деметры.

---

⁸ Согласно Сулле, пересказывающему миф. Нет возможности утверждать однозначно, чья это позиция, поскольку в представленном описании прослеживаются теории и платоников, и аристотеликов, и стоиков.

⁹ Отметим, что «Елисейские поля» у Плутарха, с одной стороны, находятся в Анде, то есть между Луной и Землей, с другой, являются верхней частью Луны. См. примечание 180 к переводу.

Природа Луны

О природе Луны говорится с позиции академиков¹⁰. В этом легко убедиться, сопоставив ключевые моменты текста. Так, возможно, Луна схожа с той бóльшей и необитаемой частью Земли, которая представляет собой или пустыню или «великое море» (938D). Польза Луны очевидна, даже если на ней нет живых существ (938CD): она отражает разливающийся около нее солнечный свет, является местом соединения всех звездных лучей, что позволяет ей перерабатывать земные испарения и умерять жар Солнца. Жизнь на Луне, возможно, существует, ибо ничто не указывает на то, что жизни на ней нет (938F). Медленное и спокойное вращение Луны позволяет окружающему ее воздуху распределиться равномерно. Такое вращение не создает для тамошних обитателей опасность быть низвергнутыми вниз. Движение Луны упорядочено и поступательно (939A): она движется по неким кругам, обращаясь около других кругов. Положение этих кругов друг к другу или по отношению к Земле, а также их обращение объясняет видимое с Земли движение Луны, ее высокое или низкое положение, а также изменения Луны по широте и долготе (939B).

Климат на Луне не жаркий, но похож на весенний на Земле (939B). Воздух Луны — тонкий и прозрачный — рассеивает свет, который не нуждается в каком-нибудь производящем его веществе (939C). Из растений на Луне растут те, что не испытывают надобности ни в дождях, ни в снегах и легко живут при летнем и тонком воздухе: корнеплоды, семена и деревья (939E). Вероятно, на Луне поднимаются ветры. Вследствие колебания и вращения Луны на ней появляются роса и влага, вполне достаточные для роста таких растений. По составу Луна — тело не огненное и сухое, а мягкое и влажное (939F). Скорее всего, Луна имеет естественные свойства, противоположные Солнцу: она смягчает и увлажняет то, что Солнце делает твердым и иссушает, она насыщает влагой и охлаждает его теплоту, поступающую к ней и смешивающуюся с нею (940B).

Лунные обитатели, если они существуют, отличны от живущих на Земле. Для их возникновения, питания и жизни не требуется того, что на Земле (940B), так как природа Луны способна восстанавливать и поддерживать живое существо очень малым количеством питательного вещества (940C). По этой причине жители Луны, вероятно, не тучны и способны питаться чем приходится, как и сама Луна (подобно Солнцу и звездам) питается земной влагой (940D). Вероятно, верхнее пространство Луны производит живые существа тонкой организации с ограни-

¹⁰ Об этом рассказывает Ламприй.

ченными животными потребностями, хотя о них ничего не известно (940D). Лунные жители с удивлением смотрят на Землю, видя в ней отстой и подонки [ἰλύν] вселенной, мутно просвечивающие сквозь влагу, туман и облака; Земля для них — неосвященное, низинное и неподвижное место. Они удивлены тому, каким образом Земля создает и питает живые существа, которым присуще движение, дыхание и теплота (940E). Они воспринимают Землю как Аид и Тартар, а Луна для них только и есть «Земля», находящаяся на одинаковом расстоянии от верхних и от нижних пространств (940F)¹¹.

В этом месте Сулла прерывает Лампрция (глава 26 [940F]) для того, чтобы представить свой собственный миф. Пересказ мифа способствует целостности всего произведения, подтверждая предположение, что в общем, цель Плутарха — изложить и отстоять мнения тех, кто полагал Луну по своему строению похожей на Землю, и показать как эту гипотезу подтверждают данные астрономии.

Как было сказано выше, миф состоит из двух частей — нарративной и философско-эсхатологической¹². Мы рассмотрим вторую часть, по которой возможно реконструировать представления Плутарха о природе и свойствах индивидуальной человеческой души.

Природа и свойства индивидуальной души

Главная мысль мифа такова: думать, что ум — это часть души, так же ошибочно, как полагать, что душа — часть тела. Это доказывается посредством описания трех составляющих человека: тела–души–ума (σῶμα–ψυχή–νοῦς)¹³. Далее речь идет о том, что люди претерпевают две смерти. В результате первой, которая происходит на Земле, из трех элементов остаются только два — душа и ум (943A). После этой смерти

¹¹ Следует указать на описание жителей Луны Лукианом. См. *Правдивая история* I, 22–26, Лукиан из Самосаты (М.: Правда, 1991), с. 522–524.

¹² Читатель воспринимает одну часть мифа из третьих рук, а другую — из четвертых. Это связано с тем, что *нарративная* часть представляет собой историю, рассказанную Сулле неизвестным чужестранцем, слова которого Сулла пересказывает от своего имени, а *философско-эсхатологическая* часть — рассказ, который, в свою очередь, услышал (от спальников и слуг бога Кроноса) сам чужестранец (ср. 945D) и который Сулла цитирует.

¹³ Это разделение восходит к Платону. Ср. соответствующие места *Тимея*, *Федре* и трактата *О государстве*. Вкратце, доктрина Платона о трехчастности души заключается в следующем. Согласно трактату *О государстве* (439DE), душа состоит из разумной части (τὸ λογιστικόν), из аффективной или яростной (τὸ θυμοειδές) и из неразумной или вожделяющей (τὸ ἐπιθυμητικόν). В *Тимее* о душе говорится несколько иначе. Душа также состоит из трех частей, но деление происходит на бессмертную и смертную части. Первая отождествляется с разумным началом (τὸ λογιστικόν), последняя представляет собой соединение двух оставшихся (τὸ θυμοειδές и τὸ ἐπιθυμητικόν). О мнении Плутарха см. *De sera numinis vindicta*, *De defectu oraculorum* и *De genio Socratis*.

души людей направляются в область, расположенную между Землей и Луной. Эта область именуется «лугами Аида». На этих лугах (то есть в преисподней) души пребывают какое-то, для всех разное, количество времени. Души неправедных терпят наказания, а души тех, кто вел на Земле праведный образ жизни, очищаются от скверны в наиболее мягкой части воздуха (943С).

Луны достигают не все души. Одни (те, которые терпят наказание) сбрасываются и отпадают еще на подступах к ней (943СD). Другие (праведные) достигают Луны. Им позволено наслаждаться или в «нижних слоях» Луны, которые обращены к Земле и названы «противоземным домом Персефоны», или в верхних, обращенных к небу, именуемых «Елисейскими полями» (944С). Души, находящиеся в нижних слоях, видят как Луна сбрасывает души недостойных вниз (943D), а пребывающие вверху, в самой мягкой части воздуха, испытывают радость от того, что возвратились в отечество после ссылки (943С). Там они наслаждаются величиной и красотой Луны (943E), «расхаживая кругом, украшенные венками из перьев, как победители», поскольку им удалось подчинить разуму неразумные и страстные силы. Видом они подобны лучу света, а их природа легка, как эфир подле Луны (943D).

Однако громко плачущие души наказуемых все же могут приблизиться и попасть на Луну. Это происходит в то время, когда Луна проходит через тень Земли. В другое время лик Луны отталкивает и пугает их (944В). А люди на Земле, чтобы помешать им достичь Луны во время лунных затмений, обыкновенно стучат в медные сосуды (944В), дабы отогнать их от нее шумом. И все же души неправедных могут достигнуть Луны. Попав на нее, они пребывают в месте, называемом провалом Гекаты (944С).

Таким образом, говорится о существовании на Луне различных мест пребывания душ. Одно — впадина Гекаты — предназначено для наказуемых; а две длинных выемки, которые называются Вратами, служат «дорогой», по которым души постоянно перемещаются в разные части Луны (944С). Одни души, которым предстоит «вторая смерть» (944E), направляются в верхнюю часть Луны, обращенную к небу и называемую «Елисейскими полями»¹⁴, другие души, которым предстоит повторное рождение в телах (945С), направляются в нижнюю, обращенную к Земле часть Луны, именуемую «домом Персефоны»¹⁵ (944С).

¹⁴ См. примечание 9.

¹⁵ Ср. Макробий, *Комментарий на 'Сон Сципиона'* 1, 9, 10, где сказано, что местом обитания душ является самая верхняя сфера — Апланес.

На Луне души становятся демонами (*δαίμονες*). Они не могут оставаться там вечно и должны спускаться на Землю для несения службы. Это может быть забота об оракулах, соучастие в религиозных таинствах, охрана людей на войне или на море. Демоны могут выступать как каратели неправд и блюстители правды. Они могут быть не только добрыми, но и злыми, совершать что-то из гнева или из зависти (944CD).

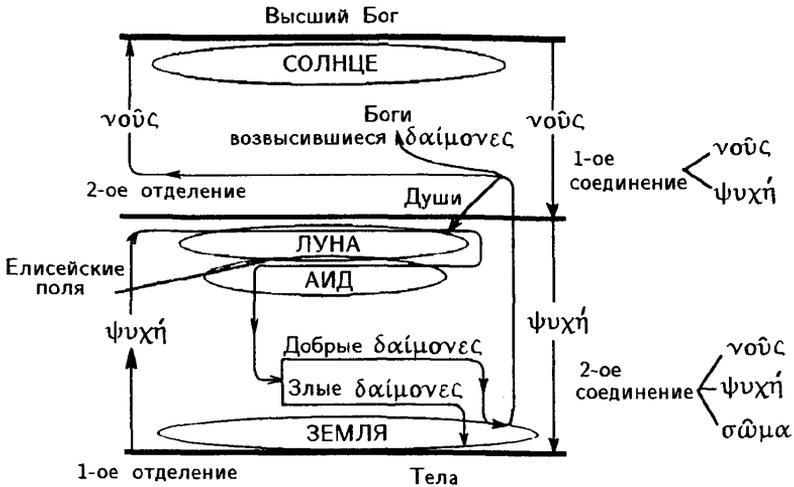
Далее говорится о «второй смерти». Она бывает лишь у душ, которые стали демонами и на Земле исполнили службу должным образом. Такая смерть происходит на Луне и заключается в отделении от души ума (943В). Таким образом, из двух частей остается одна — ум. После второй смерти субстанция (*φύσις*) души остается на Луне, сохраняя некие отпечатки (*εἰκόνας*) из сновидений земной жизни (944F). Именно там находится душа Геракла, причисленного к бессмертным богам (944F). Стихией душ, переживших вторую смерть, является Луна, ибо они разрешаются в нее, как тела умерших людей разрешаются в Землю (945А).

«Лунными» душами становятся мудрые души (*σώφρονες*), которые вели философскую жизнь: оставленные умом и более не испытывая страстей, они тихо угасают. А тем, которые еще сохраняют страсти, любовь к телу, воспоминания о нем и отрываются от Луны, желая следующего рождения, она запрещает спускаться к Земле, призывая их обратно с помощью чар (945В).

Отделившийся от души ум возвращается на Солнце, которое и было его первоисточником. Таким образом, первая смерть — это сведение трех компонентов к двум (после отделения тела остаются душа и ум). Вторая смерть — это разделение души и ума: оставшиеся на Луне души рано или поздно прекращают существовать, а Солнце забирает ум. Далее цикл повторяется: Солнце вновь рассеивает семена ума. Луна получает их и рождает новые души (происходит первое соединение ума с душой). На Земле такие двухчастные души обретают еще и тело (945С); это — второе соединение (см. рисунок).

Мы, человеческие существа (944F), это не страсти (гнев, страх, желание) и не плоть, то есть не душа и не тело, но наше разумение и рассуждение (*διάνοια* и *φρόνησις*)¹⁶, то есть ум. Ум дает форму (*τύπος*) душе, а душа в свою очередь, дает форму телу. Даже если душа долго отделена от тела и ума, она сохраняет подобие и отпечаток ума, а поэтому называется его извятием (*εἰδωλον*) (945А).

¹⁶ Ср. Макробий, *Комментарий* I, 8, где говорится о четырех добродетелях.

Над происходящим властвуют мойры: Атропос — на Солнце ведаёт рождением, Клото — на Луне соединяет, Лахесис — на Земле определяет участь человека (945с).

В изложении Плутарха сильна моральная, наставительная составляющая. Души тех людей, кто на Земле жил праведно и искал мудрости, обретут свою стихию — Луну (945А)¹⁷, а души тех, кто в жизни был честолюбив и предавался наслаждениям, не смогут насладиться пребыванием в этой обители¹⁸ и будут вынуждены покинуть ее (945В).

Представления о демонах традиционны. Внутри трехчастной схемы (боги—духи—люди) демоны занимают промежуточное положение. Классы разумных существ не являются статичными, душа может перейти как в высший класс (богов), так и в многочисленные более низкие разновидности духов (герои, лары, пенаты и т. д.), каждый раз трансформируясь. Над всем царит высший бог — Солнце. Его величие и беспримесность становятся более полными в сравнении с «частными» богами и демонами.

¹⁷ Ср. учение Макробия об отдельной душе, которая возвращается на сферу Апланес. См. М. С. ПЕТРОВА «Макробий о душе», *Историко-философский ежегодник '96* (М.: Наука, 1998), с. 65–67.

¹⁸ Ср. Макробий, *Комментарий* I, 9, 4–5.

* * *

Перевод диалога Плутарха *О лике, видимом на диске Луны* выполнен Г. А. Ивановым по заказу директора Московской астрономической обсерватории и впервые опубликован в приложении к VI тому «Филологического обозрения», журнала классической филологии и педагогики за 1894 г.

Перевод Г. А. Иванова сверен с греческим текстом и переработан В. В. Петровым по изданию *Plutarch's Moralia*, vol. 12, transl. Harold Cherniss, Loeb Classical Library (London, 1957; reprint. 1968; 1984). В основу примечаний положены вступительная статья и комментарий этого издания. Частично сохранены примечания Г. А. Иванова (они помечены звездочкой *). Нумерация абзацев стандартная — по изданию STEPHANUS (1572).

ПЛАУТАРХ

920

О ЛИКЕ, ВИДИМОМ НА ДИСКЕ ЛУНЫ

В 1. «Это подходит и к моему сказанию [*μῖθω*], — заметил Сулла, — и из него заимствовано. Но, конечно, если у вас есть что добавить к этим, всем доступным и всеми высказываемым мнениям о лике Луны, то полагаю, я выслушаю это с удовольствием и немедленно». «Отчего не добавить, — отвечал я¹, — когда невразумительность этих мнений заставила нас обратиться к древним? Ведь как при длительных болезнях люди, отказавшись от обыкновенных лекарств и привычного образа жизни, обращаются к очистительным обрядам, талисманам и сновидениям, так и в трудноразрешимых, не предоставляющих исхода изысканиях, когда общепринятые, общеизвестные, обычные доводы не кажутся убедительными, необходимо испытывать новые способы, не смотреть на них свысока, а просто брать старое и всячески доискиваться истины.

С 2. Например ты, конечно, сразу видишь, что нелепо утверждение, будто видимый на Луне образ есть следствие болезненного состояния зрения, не выносящего по слабости [ее] блеска, которое мы называем ослеплением. Здесь не принимается во внимание то, что такое явление должно бы было происходить скорее от Солнца, которое остро и жгуче (так, Эмпедокл хорошо указывает на различие обоих светил: «Острострелое Солнце и кроткая Луна»², назвав действие Луны кротким и безболезненным). Кроме того, D это не объясняет, почему те, кто имеет плохое и слабое зрение, не замечают на Луне никакого разнообразия фигуры, и Луна сияет для них, как гладкий и полный диск; а напротив, те, кто обладает сильным и острым зрением, лучше различают подробности, разбирают черты лица и яснее схватывают разнообразие. Следовало бы, полагаю, наоборот, видимому образу быть резче там, где по-

ражение сильнее, если только явление было болезненным состоянием глаза. Против этого говорит и неровность [освещения]: лик представляет не сплошную, слитную тень, но, как метко выразился Агесианакт:

Вся [Луна] по окружности сияет огнем, а посредине
Виднеется как бы глаз девушки, темно-синий,
И гладкое чело; что вполне походит на лицо. E

И действительно, идущие кругом теневые пространства подлагают под светлые и, наоборот, последние теснятся к первым, даже будучи от них отрезаны, и вообще переплетаются одни с другими так, что является подобие рисованной картины. Это обстоятельство Аристотель, по-видимому, не без основания выставляет против вашего Клеарха. Ведь Клеарх “ваш”, поскольку он был приятелем древнего Аристотеля, хотя и извратил многие положения перипатетиков». F

3. Когда вмешался Аполлонид и спросил, что это было за мнение Клеарха, я отвечал, что ему менее всех простительно не знать этого мнения, составляющего как бы сердцевину геометрии. Ведь Клеарх говорит, что так называемый лик Луны есть видимое зеркальное отражение и подобие великого [земного] моря³. Ибо отраженное зеркалом зрение естественно со многих сторон достигает того, что не видно непосредственно⁴, а сама Луна по гладкости и блеску есть наилучшее и самое чистое из зеркал. Следовательно, как, по вашему мнению, отраженное к Солнцу зрение⁵ приводит к появлению радуги⁶ в облаке, получившем мало-помалу влажную взвешенность⁷ и плотность, так, полагал Клеарх, и на Луне видно внешнее море не в том месте, где оно [действительно] находится, но там, где пришли в соприкосновение отклонившееся к океану зрение⁸ и отражение океана к нам. В таком смысле выразился и Агесианакт в одном месте:

Или великая волна океана, бушующего напротив,
представляла бы образ в пылающем огнем зеркале. B

4. Аполлонид, которому это понравилось, заметил: «Какое своеобразное и совершенно новое соображение человека и смелого, и богатого знанием! Но в чем состояло возражение ему?». «Во-первых, — говорю, — в том, что природа внешнего моря однообразна — это сливающееся, непрерывное водное пространство⁹, а очертание темных пятен на Луне не однообразно — оно

- С представляет как бы перешейки, причем освещенные части разделяют и разграничивают тень. Отсюда, поскольку каждое место отделено и имеет свою границу, то выступы светлых частей в темные, принимая вид возвышенностей и углублений, создают изображение, весьма похожее на глаза и губы. Поэтому следует или допустить несколько внешних морей, разделяемых перешейками и материками, что нелепо и неверно, или одно внешнее море, — тогда невероятно, чтобы изображение его представлялось разорванным. Вот о чем безопаснее спросить, нежели ответить в твоём присутствии: раз обитаемая Земля имеет ширину и длину, то допустимо ли, чтобы отраженное таким образом от Луны зрение достигало моря для всех одинаково, между прочим и для тех, которые плывут или живут на самом великом море, например, для бриттов, если при том Земля не служит, как вы [математики] утверждаете¹⁰, центром для лунной сферы? Исследовать это явление, — продолжал я, — твое дело, но отражение взгляда — от Луны или вообще — уже не твое и не Гиппархово¹¹, ибо хотя он и друг [нам], но многие не разделяют его мнений о свойстве зрения. Правдоподобнее, что оно есть однородное смешение и сочетание¹², нежели что тут есть какие-то столкновения и отскокивания, какие Эпикур принял для атомов. Но Клеарх, полагаю, не пожелает предположить вместе с вами Луну телом весомым и твердым, а как вы утверждаете, считает ее эфирным и светящим; а будучи таковою, она должна поражать зрение и заставлять его отвращаться — так, что отражение [здесь] не будет иметь места. Если же от нас требуют чего-либо еще, то мы спросим, каким образом только на Луне море отражается как лицо, почему его не видно ни в одном из столь многих светил [ἀστέρων], хотя разумно было бы, чтобы зрение испытывало это действие или ото всех светил или ни от одного? Но ты, — сказал я, обратившись к Луцию, — напомни, какое из наших положений было первым».

5. Луций на это отвечал: «Но чтобы не подать вида, будто мы слишком пренебрежительно относимся к Фарнаку, оставляя невыслушанным мнение стоиков, скажи хоть что-нибудь против человека, который принимает Луну за смешение воздуха и нежного огня, а затем говорит, что она становится похожею на лицо от помрачающего ее воздуха, как при набегающей на водную гладь ряби¹³».

«Ловко однако, Луций, ты прикрываешь нелепое мнение благовидными словами, — сказал я, — но наш товарищ¹⁴ выразился не так: он сказал, как это и действительно есть, что они марают 922 Луну, пятная и черня ее, одновременно называя Артемидой¹⁵ и

Афиной¹⁶, и в то же время делая ее смешением массы темного воздуха и тлеющего огня и не имеющей собственного воспламенения и сияния, подобно молниям, называемым у поэтов лишенными блеска и полыхающими. Но что тлеющий огонь, каким они представляют Луну, не может ни продолжаться, ни вовсе поддерживаться, если не будет иметь твердого вещества, в котором он находил бы себе место и пищу, то это, полагаю, лучше философов видят те, которые в шутку говорят, что Гефест называется хромым потому, что огонь не горит без дерева, как хромые не ходят без костыля. Итак, если Луна есть огонь, то откуда взялось у нее столько воздуха? Ибо это пространство, вращающееся над нами, — место не воздуха, но сущности более благородной и имеющей свойство делать все тонким и воспламенять. Если же там появился воздух, то отчего он не исчезает, переходя в другой вид, изменяясь под действием огня в эфир, но сохраняется и пребывает столько времени совместно с огнем, словно гвоздь, наглухо заколоченный в то же место? Так как воздух редок и смешан, то ему следовало бы не становиться неизменным, а изменяться; оставаться же густым в соединении с огнем невозможно при отсутствии влаги и Земли, от коих одних только и сгущается обыкновенно воздух¹⁷. А стремительное движение воспламеняет воздух даже в камнях и в холодном свинце¹⁸, а не то что в огне, вращающемся с такою быстротой. Они восстают против Эмпедокла, который делает Луну комом мерзлого, наподобие града, воздуха, окруженного сферой огня; а сами утверждают, будто Луна, которая де есть огненный шар, содержит в себе воздух, рассеянный там и сям, и притом не имеет на себе ни трещин, ни углублений и впадин, которые приписывают ей представляющие ее подобной Земле, но [имеет] воздух, лежащий на ее выпуклой поверхности. Такое представление и с понятием устойчивости не совместимо, и не отвечает виду Луны, являющемуся во время полнолуния; ибо темные и тенистые места [воздуха] не должны бы были [тогда] различаться, но все бы меркло при затемнении или блистало вместе, когда солнечный свет охватывает Луну. Ведь у нас в углублениях и впадинах Земли, куда свет не проникает, воздух бывает погружен в тень и не освещен, а разлитый кругом на внешней стороне Земли имеет освещение и световидную окраску. Причина в том, что благодаря разреженности он принимает всякое качество и способность, в особенности, если только скользнет по нему или, как ты говоришь, коснется его свет, он совершенно изменяется и освещается¹⁹. Итак, все это, по-видимому, хорошо согласуется с представлением тех, кто загоняет на Луне воздух в углуб-

ления и расселины, и в то же время полностью опровергает вас [стойков], составляющих ее шар, неизвестно как, из смешения воздуха и огня; ибо невозможно, чтобы на ее поверхности оставалась тень, когда Солнце освещает всю ту часть, которую мы обнимаем зрением».

F

6. Я еще говорил это, как Фарнак заметил: «Вот опять у нас завелся этот распространенный прием, заимствованный у Академии: каждый раз в прениях с другими не представлять доказательств своим утверждениям, но заставлять противников защищать собственные положения, а не возражать. Сегодня, однако, вы меня не заставите защищать то, в чем вы обвиняете стойков, прежде чем я с вас взыщу пенно за то, что вы перевертываете мир вверх дном».

923

Луций улыбнулся. «Только не обвиняй, — сказал он, — нас в нечестии. Так Клеанф полагал, что греки должны привлечь к суду Аристарха Самосского²⁰ за то, что он будто двигает с места центр [*ἑστῆσαν*] мира, потому что сей муж пытался объяснять небесные явления предположением, что небо неподвижно, а Земля движется по наклонной окружности [эклиптике], вращаясь вместе с тем вокруг своей оси²¹. Мы [академики]²² сами от себя теперь ничего не утверждаем, но те, милый мой, кто полагает, что Луна — это Земля, разве более вас [стойков] переворачивают [мир] вверх дном, когда вы подвешиваете Землю в воздухе? Однако Земля много больше Луны²³, согласно математикам, которые вычисляют величину Луны во время затмений, когда она проходит через ее тень. Ибо тень Земли простирается, суживаясь, потому что освещающее тело больше [Земли]. Тонкость и узость вершины [этой тени] были, как утверждают, замечены даже Гомером: он назвал ночь “острою” вследствие остроты [земной] тени. И все-таки Луна, захватываемая во время затмений этим острием, проходит тень едва тремя своими величинами. Разочти же, скольким Лунам равняется Земля, если наименьшая бросаема ею тень имеет ширину трех Лун.

B

Но вы все-таки побаиваетесь за Луну, как бы она не упала²⁴. А за Землю вас, быть может, успокоил Эсхил, сказав, что Атлант

C

стоит, поддерживая плечами столпы неба и Земли, неудобноносимое бремя²⁵.

Или, если под Луной находится легкий воздух, неспособный держать плотную тяжесть, Землю, как говорит Пиндар: “подпирают утвержденные на адманте столпы”²⁶. Поэтому Фарнак за

себя не боится, что Земля упадет, но жалеет живущих под линией прохождения Луны эфиопов и тапробанов²⁷, как бы на них не рухнула такая тяжесть. Однако Луну охраняет от падения само движение и быстрота обращения, подобно тому, как предметам, вложенным в пращу, не дает выпасть круговратное движение²⁸. Ведь каждый предмет увлекается естественным ему движением, если его не отклоняет в сторону какая иная сила. Поэтому и Луну не увлекает тяжесть, действие которой уничтожается круговым движением. Скорее, возможно, имелась бы причина удивляться, если б Луна была неподвижна, подобно Земле. Итак у Луны есть веская причина не стремиться сюда; а Земле, как не имеющей другого движения, следовало бы двигаться, повинаясь тяжести; а она тяжелее Луны не только благодаря большему объему, но еще и потому, что Луна стала легкою от воспламенения и сгорания. Вообще из твоих слов видно, что Луне, если она огонь, нужна была бы земля и вещество, которые служили бы ей основанием и поддерживали бы ее [жизненную] силу²⁹. Ибо нельзя представить себе огонь не гаснущим без [горючего] вещества. А Земля, как вы утверждаете, существует без основания и корня».

«Совершенно верно, — заметил Фарнак, — Земля занимает срединное место, как ей свойственное и предназначенное от природы, ибо к нему отовсюду тяготеет все весомое, к нему несется и в нем сосредотачивается. Все пространство [χώρα], находящееся выше, если и принимает что земное, насильственно взброшенное, то немедленно выдавливает его сюда, или точнее позволяет его увлечь прирожденным ему тяготением».

7. При этих словах, желая дать Луцию время собраться с мыслями, я спросил: «Кто это из трагиков, Феон, сказал, что врачи “горькую желчь выгоняют горькими лекарствами”?»». Когда он отвечал, что это Софокл, я заметил, что врачам это необходимо дозволить, а философов не следует слушать, когда они хотят защищать парадоксы парадоксами и, восставая против чудных теорий, придумывают еще более небывалые и чудные³⁰, как те, например, кто предполагает “стремление к центру”. Какой нелепости не содержится в этом положении? Не следует ли (отсюда), что Земля есть шар, хотя на ней столько углублений, возвышенностей и неровностей?³¹ Или что на ней будто бы живут антиподы, обращенные, подобно точащим дерево червям и ящерицам, верхними частями вниз, а нижними держащиеся за землю; а сами мы ходим, держась не отвесно, а набок и в наклонном положении, как пьяные?³² Или что глыбы в тысячу талантов весом³³, несаясь через

D

E

F

- глубину Земли, остановились бы, достигая центра, хотя и не встречали бы никакого препятствия и ничем не задерживались; если же, вследствие стремительности, миновали бы центр, то
- B** опять возвращались бы и поворачивали назад сами собою? Или что части метеоров, сгоревшие по обе стороны Земли, неслись бы постоянно вниз, но упав на Землю извне, протискивались бы
- C** внутрь и закапывались около центра? Или что стремительное течение воды, несущейся вниз, если достигло бы точки центра, который сами они считают бестелесным, то останавливалось бы
- подвешенное или двигалось бы вокруг безостановочно колеблясь и всегда в висячем положении³⁴? Ведь некоторые из этих явлений, даже при усилении составить себе ложное представление, едва ли кто в состоянии представить возможными. Это и значит ставить верх низом и перевертывать все с ног на голову, когда до центра Земли предметы оказываются “внизу”, а под центром вновь появляются “наверху”³⁵ — так что если бы кто, по отношению к Земле, стал в ее центре по пояс, то у него и голова была бы “вверху” и ноги “вверху”, и если бы прокопать на другую сторону [Земли], то при выходе на поверхность “низ” его тела был бы “верхом”, а при выкапывании его тянули бы сверху вниз. Если же представить кого помещенным к последнему [человеку] в обратном положении, то о ногах обоих следовало бы сказать, что они направлены вверх.
- D** 8. При таком множестве противоречащих общим воззрениям положений сами философы подлинно таскают, взвалив на спину, уже не суму, но снаряжение и шатер какого-нибудь фокусника, хотя о других говорят, будто те желают вызвать смех, помещая Луну, которая де есть Земля, не в центре, а вверху. Впрочем, если всякое весомое тело тяготеет к одной своей точке и всеми своими частями стремится к своему центру, то Земля будет притягивать к себе все свои части, имеющие вес, не столько потому, что она
- E** есть центр вселенной, сколько оттого, что представляет целое; и то, что к ней тяготеют предметы³⁶, служит доказательством не ее срединного положения в мире, но их общности и сродства с нею: будучи насильственно от нее оторваны, они снова несутся к ней³⁷. Ибо как Солнце притягивает к себе свои составные части, так и Земля принимает камень, как собственность и принадлежность; отсюда всякое подобное тело с течением времени объединяется и срастается с нею. Если же существует какое тело, искони Земле не принадлежащее или от нее не отторгнутое, но имеющее свой
- F** собственный состав и природные свойства, каковую философы

желали бы признать, например, Луну, то что мешает ей быть и пребывать отдельно самой по себе плотно окруженной своими частями и из них сомкнутой? Ведь, во-первых, не доказано, что Земля есть центр всех вещей, а, во-вторых, то, каким образом здесь тела связаны и сплочены с Землею, наводит на мысль о том, каким образом составляющие Луну вещи, вероятно, стремятся к Луне и там постоянно пребывают. А тот, кто все землеобразное и тяжелое насильственно сводит в одно место, делая из него части одного тела, не вижу, почему не признаёт того же необходимым условием и для веществ невесомых, допуская отдельное существование столь многих огненных соединений, а не признаёт прямо, соединяя все звезды в одно целое, что должно быть общее тело у всего носящегося в высоте и огневидного».

9. «Но, любезный Аполлонид, — продолжал я, — вы [математики] утверждаете³⁸, что Солнце отстоит от верхней сферической поверхности на бесчисленные мириады [стадиев], и над ним несутся на громадных друг от друга расстояниях Светоносцы, Сияющий³⁹ и другие планеты, ходящие под неподвижными звездами; а для тех нижних и подобных Земле тел, вы полагаете, космос не дает в себе места и расстояний. Смотрите, как странно, если мы станем утверждать, что Луна не есть Земля, потому что она удалена от нижней области, а светилом [*ἄστρον*] ее называть будем, хотя и видим, что она отстоит от верхней поверхности на столько мириад стадий, будто погружена в некую бездну. Ниже звезд она настолько, что едва ли кто мог бы выразить словами расстояние, и у вас, математиков, при вычислении недостало бы для этого чисел. Но Земли она в известном смысле касается и, кружась около нее на небольшом расстоянии, как говорит Эмпедокл,

вращается словно ступица колесницы,
которая крайнюю <мету ристалища огибая>...

Часто она даже полностью покрывается тенью Земли, которая простирается на небольшую длину вследствие громадной величины освещающего ее тела. Видимо, она движется так близко вокруг Земли, почти в ее объятиях, что заслоняется Землей от Солнца, пока не выйдет из того тенистого, земного и ночного места, которое есть удел Земли. Поэтому, полагаю, мы можем смело сказать, что Луна находится в пределах Земли, будучи затмеваема ее оконечностями.

925

В

С

10. Оставив в стороне прочие неподвижные и движущиеся светила, посмотри, что говорит Аристарх в сочинении *О величинах и расстояниях*, а именно: “[По сравнению с] расстоянием до Луны, расстояние от нас до Солнца больше в 18 раз, но не больше, чем в 20”. Согласно наибольшей оценке, полагают, что Луна отстоит от нас на 56 земных радиусов, а земной радиус равен в среднем 40 тысячам стадиев⁴⁰. По этому расчету Солнце далее Луны на 40300 тысяч стадиев. На такое расстояние Луна удалена от Солнца вследствие своей тяжести и настолько же приближена к Земле; так что если распределять природы по их местам, то Луну присваивает себе та часть и пространство, в коих помещена Земля, поскольку вследствие близости и соседства Луна подлежит земным условиям. Думаю, что мы несколько не погрешаем против истины, когда, отводя так называемым “верхним” телам столь большое пространство, оставляем и “нижним” для обращения некоторый простор, как, например, от Земли до Луны. Ибо, как неверно судит тот, кто только крайнюю поверхность неба называет “верхом”, а все остальное “низом”, так нельзя одобрить и того, кто “низ” ограничивает Землею, или, точнее, ее центром. Напротив, и там, и здесь следует принять такое пространство, раз это допускает вселенная при ее величине. Тому, кто утверждает, что все, начиная от Земли и выше ее, есть “верх”, другой возражает, что наоборот, пространство от сферы неподвижных звезд есть “низ”.

11. Наконец, в каком смысле говорят, что Земля помещена в центре, и в центре чего? Ведь вселенная беспредельна, а беспредельному, не имеющему ни начала, ни предела, нельзя иметь и центр, ибо и центр есть в некотором смысле предел, а беспредельное есть отсутствие предела. Утверждающий же, что Земля есть центр не вселенной [τῆς παντὸς], но [видимого] мира [κόσμου], наивен, если полагает, что и относительно самого мира не существует тех же недоумений: во вселенной и у мира нет центра; и у него нет пристанища и оседлости; он носится в беспредельной пустоте [κενῶ], не имея впереди перед собой ничего ему родственного, а если и покоится, то встретив причину остановки в чем-либо ином, но не в природных свойствах этого места. Подобные соображения можно применить и к Земле с Луною: одна здесь неподвижна, другая движется там в силу скорее иного духовного и физического, чем [пространственного] различия. Кроме того, обрати внимание, не упустили ли стоики из виду какого-либо важного соображения. Ведь если что-либо, оказавшись каким бы то ни было образом вне центра [Земли], находится “вверху”, то “внизу” нет ни одной части мира. Но тогда и Земля, и

все, на ней помещающееся, короче, всякое тело, стоящее и лежащее около центра, находится “вверху”, а “низ”, будучи единым и единственным, есть та невещественная точка, которая необходимо противопоставляется всей природе мира, потому что “низ” естественно противоположен “верху”. И не в одном только этом заключается несообразность, но и в том, что весомые тела утрачивают причину тяготеть и нести туда, ибо “внизу” нет никакого тела, к коему они двигались бы, а невещественному нельзя, да и сами [стойки] не желают, приписывать такую силу, чтобы оно притягивало к себе все и удерживало около себя. Впрочем, и вообще мнение, будто “верх” есть целый мир, а “низ” ничто, кроме невещественного и непротяженного предела, оказывается не имеющим смысла и противоречащим действительности; наше же положение, что великое и обширное пространство поделено на “верх” и “низ”, удобопонятно.

12. Однако предположим, если хочешь, что небесные тела имеют на небе движение вопреки природе, и рассмотрим постепенно, без раздражения, но спокойно, что этот факт доказывает не то, что Луна не есть Земля, но что она Земля, помещенная там, где по существу ей быть не следует. Ведь и огонь Этны находится под Землей вопреки своей природе, но все же он огонь; и воздух, заключенный в мехи⁴¹, по природе стремится вверх и не имеет веса, но поневоле попал туда, где по его природному свойству ему быть не следует. Сама душа, — продолжал я, — клянусь Зевсом, разве не вопреки своей природе заключена в теле, быстрая — в медленном, огненная, как вы [стойки] утверждаете, — в холодном, невидимая — в доступном чувствам? Разве из-за этого стали бы мы отрицать, что душа находится в теле, и что ум, вещь божественная, хотя и обходит, и пролетает мгновенно все небо, землю и море, вошел в мясо, жилы, костный мозг под [власть] тяжести, плотности и бесчисленных воздействий [παθήων] посредством овлажнения. А этот ваш Зевс, будучи по своей природе одним большим и сплошным огнем, разве теперь не опустился вниз, не склонился и не видоизменился, став и становясь при изменениях всем, чем угодно? Так смотри, мой милый, остерегайся, как бы перемещая и отводя вещи к их “естественным” местам, не измыслить какого расстройства в мире и не внести в вещи эмпедоклову Распря, или скорее не двинуть бы на природу древних титанов и гигантов⁴² и не пожелать увидеть тот мифический страшный разлад и беспорядок, помещая порознь все весомое и все невесомое. Как говорит Эмпедокл⁴³:

В

С

D

E

там не видны ни светлый лик Солнца,
ни косматая мощь земли, ни море.

F Там ни земля не была причастна теплоте, а вода — воздуху, наверху не было ничего весомого, а внизу — легкого. Начала всех вещей были несмешанными, равнодушными [друг к другу] и отделенными⁴⁴, и не вступали в соединение и общение одно с другим, убегая и отвращаясь друг от друга, упорно несясь своими собственными путями. Они были в таком состоянии, в каком бывает все, в чем, по Платону⁴⁵, не присутствует бог, то есть в состоянии тел, когда их оставили ум и душа. Так было, пока по воле промысла не зародилось в природе любовное томление [*ἰμερτὸν*],
927 не явилась Любовь [*φιλότητος*], Афродита, и Эрот, как выражаются Эмпедокл, Парменид и Гесиод⁴⁶, дабы, поменявшись местами, перенея друг от друга силы, [элементы] одни связанные необходимостью движения, другие — покоя, насильственно вынужденные выступить из “естественного” состояния и перейти в лучшее, установили бы гармонию и общность [*κοινωνίαν*] вселенной.

13. Ведь если ни одна из частей мира не занимает положения, противного ее природе, но каждая находится там, где ей подобает в силу ее естественных свойств, не нуждаясь ни в каком перемещении и ни в каком переустройстве, не имея в них нужды изначально, то я недоумеваю, в чем же задача промысла и чего творцом и отцом-зихдителем был Зевс, высший художник⁴⁷. Ведь и для военного дела не было бы надобности в строевом искусстве, если бы каждый воин знал ряд, место и время, которые он обязан занимать и соблюдать; не нужно было бы ни садовников, ни строителей, если бы в первом случае вода являлась сама собою и поливала то, что нужно, а в другом кирпич, дерево и камень в силу природных влечений и указаний сами собою складывались бы в стройное здание и занимали [подобное им] место. Если же
B такое представление совершенно уничтожает промысел, и богу, напротив, подобает приводить в порядок и распределять существующее⁴⁸, то что удивительного, если природа устроена и распределена так, что огонь помещен здесь, хотя звезды — там, что Земля — здесь, а Луна — там вверху, подчиненная более могучим, нежели природным, узам разума [*λόγον*]⁴⁹? Если все должно повиноваться природным влечениям и двигаться по природным условиям, то ни Солнце, ни Светоносец⁵⁰, ни одно из прочих светил не неслись бы по круговым линиям, ибо природа требует, чтобы все легкое и огневидное двигалось вверх, а не кругом⁵¹. Если в отношении места природа допускает такое отступление, что огонь

является здесь несущимся вверх, а когда достигает неба, то в силу круговратного его движения вращается вместе с ним, то что удивительного, если и весомым, землеподобным телам приходится, попав туда, быть также вовлеченными окружающей их средой в иной вид движения? Ведь не может быть, чтобы небо по природе отклоняло легкие тела от стремления вверх, но не могло совпадать с весомыми и тяготеющими книзу; напротив, так же, как оно воздействовало на первые, оно воздействовало и на вторые, изменяя их естественные свойства к лучшему.

14. Однако если наконец отбросить порабощающие нас привычки и мнения и смело высказать очевидное, то, по-видимому, ни одна часть вселенной сама по себе не имеет своего особенного строя, положения или движения, которое можно было бы условно назвать “естественным”. Напротив, коль скоро каждая часть представляется движущейся соответственно и сообразно тому, ради чего она произошла, для чего родилась и создана, то всякий раз, когда она подлежит действию или его производит, либо находится в том состоянии, которое потребно для охранения, украшения или укрепления этой части, тогда она и является имеющей место, и движение, и состояние, согласные с природой. Если какое существо и появилось, согласно природе, то это человек, который имеет сверху, особенно в области головы, части тяжелые и землеобразные, в середине — теплые и огнеобразные, из зубов [у него] одни растут сверху, другие — снизу, и ни те ни другие не вопреки природе. Как огонь, сверкающий сверху, в глазах, нельзя считать “естественным”, так и тот, что заключен в желудке и сердце, невозможно признать помещенным вопреки природе: в обоих случаях огонь занимает надлежащее и полезное положение. “У улиток и камнекожих черепах”, поучает Эмпедокл⁵², и у всех моллюсков, “ты увидишь землю, обитающую поверх кожи”; это каменистое вещество, помещаясь сверху, не раздавливает тела⁵³, и наоборот, теплота не исчезает, отлетая вверх, но они смешаны и входят в состав животного сообразно природе каждого.

15. Таково же, вероятно, и строение мира, если он живое существо: во многих частях у него земля, во многих огонь, вода и дыхание [*πνεύμα*], не насильственно втиснутые⁵⁴, но разумно распределенные. Как глаз не легкостью своею вытиснут в эту часть тела, так и сердце не вследствие тяжести соскользнуло и упало в грудь, но так лучше было разместить их. Поэтому в отношении частей мира мы не должны думать, ни что Земля лежит здесь, поскольку опустилась вследствие тяжести, ни что

D

E

F

928

B

Солнце, как думал Метродор Хиосский⁵⁵, по причине легкости было выдавлено в верхнее пространство, подобно надутому меху, ни что прочие звезды очутились на тех местах, где они находятся, как развешанные на весах. Напротив, по логике [λόγος], звезды, как светоносные глаза, вделанные в лик вселенной, движутся по круговым линиям, а Солнце, имея функцию [δύναμις] сердца, рассылает и рассеивает теплоту и свет, как кровь и дыхание; землей же и морем мир “естественно” пользуется, как животные чревом и мочевым пузырем. Луна, находясь между Солнцем и Землей, как печень или какая-нибудь другая мягкая внутренность⁵⁶, помещенная между сердцем и желудком, рассылает сюда вниз теплоту, а идущие отсюда вверх испарения утончает, как бы переваривая и очищая их, и распространяет вокруг себя. Приносит ли землевидный и плотный состав Луны какую пользу и имеет ли применение в других отношениях, нам неизвестно. Во вселенной же целесообразность [βέλτιον] имеет перевес над принуждением⁵⁷. Таким образом, что нам принять за правдоподобное из утверждаемого стоиками? Они утверждают, что светоносная и тонкая часть эфира благодаря разреженности стала небом, а часть сгущенная и сплоченная — звездами⁵⁸; и что Луна между ними — [тело] самое бездейственное и самое мутное. Но все-таки глазами можно различить, что она не отделена от эфира, но вокруг нее его еще много, в нем она движется, и немало имеет под собой, где, как сами они говорят, кружат бородастые звезды и кометы. Таким образом каждому из [мировых] тел склонности заданы не весом или легкостью, но их размещение есть следствие другого принципа.

16. Сказав это, я был готов передать слово Луцию, так как беседа подходила уже к изложению доказательств, но Аристотель, улыбнувшись, заметил: «Свидетельствую, что все это возражение ты направил против тех, которые предполагают Луну полуогненной, в общем же, утверждают, что тела сами собой тяготеют одни вверх, другие вниз. А есть ли такой, кто говорит⁵⁹, что звезды движутся по круговым линиям от природы и что они имеют сущность далеко отстоящую от четырех [подлунных] сущностей, тебе даже случайно не пришло на память, чтобы мне не трудиться».

Тут вмешался Луций и сказал: «Мой милый, быть может, прочие светила и все небо, находясь, по вашему предположению, в среде чистой, несмешанной, свободной от всякого изменения и порчи, описывают пути по невидимой и бесконечной кривой. Об

этом никто не стал бы спорить с тобой и твоими друзьями, хотя здесь десятки тысяч недоумений. Когда же рассуждение, спускаясь ниже, коснется Луны, то оно уже не отстаивает за ней той неизменяемости и красоты этого тела. Оставляя в стороне прочие ее уклонения и отличия, этот самый видимый на ней лик явился вследствие какого-то изменения ее сущности или посторонней примеси. Предмет, допускающий смешение, допускает и воздействие, ибо лишается чистоты, насильственно наполняемый худшим веществом. А косность Луны, ее медлительность и малость тепла, от которого по Иону⁶⁰ “не зреет темная гроздь”⁶¹, чему приписать кроме ее слабости и порчи, если вечное и небесное⁶² тело может быть причастно порче? Вообще, любезный Аристотель, если Луну признать Землей, то она представляется телом вполне прекрасным, дивным, правильно устроенным; но, как звезда или светило, или вообще как тело божественное и небесное, я опасаюсь, не была бы она безобразна и неблаголепна и не унижала бы почетное наименование, если при таком множестве небесных тел она одна ходит, нуждаясь в постороннем свете, и по Пармениду: “всегда озирается на лучи Солнца”.

929

B

Наш товарищ встретил одобрение, указав в своем изложении на положение Анаксагора, что “Солнце влагает в Луну свет”. Поэтому я не стану повторять то, что узнал от вас и среди вас, и охотно перейду к остальному. Итак, Луна, вероятно светит не как стекло или кристалл вследствие освещающего и принижающего ее солнечного света и, с другой стороны, не вследствие как бы соединения своего блеска и света с солнечным подобно тому, как соединением факелов усиливается освещение⁶³. Ибо в таком случае и во время новолуния, равно как и при четвертях, для нас она будет полной, поскольку не покрывает и не заслоняет Солнца, а оно, вследствие ее проницаемости, просвечивает сквозь нее или же присоединением своего делает ярче и сильнее ее свет. Ибо ее [невидимость] во время соединения [с Солнцем] нельзя объяснить ее отклонениями [по ширине] и отворотами, как это бывает, когда она является то половинной, то обоюдовыпуклой, то серповидной, “находясь на одной прямой с источником света”, как выражается Демокрит, “перехватывает и принимает [на себя] солнечные лучи” так, что ей и самой следовало бы быть видимой и Солнцу просвечивать через нее. Но она отнюдь не делает этого: она тогда и сама не бывает видима и Солнце заслоняет, даже нередко делает его [совсем] невидимым. Как говорит Эмпедокл:

C

D

Рассеивает его лучи,
 когда оно проходит по верху нее,
 затемняет столько Земли,
 какова ширина светлоокой Луны

— как если бы свет падал на ночь и мрак, а не на другое светило. Объяснение Посидония, что солнечный свет не проникает к нам через Луну вследствие ее глубины, опровергается без труда: воздух, будучи неизмерим и имея глубину во много раз большую, нежели Луна, весь пронизывается и освещается лучами [Солнца].

Е Остается, следовательно, мнение Эмпедокла, что свечение Луны, наблюдаемое на Земле, есть некоторое отражение Луной солнечного света. Поэтому до нас не достигает ни яркость, ни теплота света, как следовало бы при воспламененности [Луны] и смешения света обоих светил. Подобно тому, как голоса при отражениях дают отзвуки более глухие, нежели звуки самого голоса, и удары отскакивающих снарядов менее сильны, “так и луч, ударившийся о широкий диск Луны”, достигает нас в отражении слабым и притупленным вследствие уменьшающейся от преломления силой».

Ф 17. Подхватив эти слова, Сулла заметил: «В этом, конечно, есть некоторое правдоподобие; но получило ли разрешение наиболее сильное из возражений, или же оно прошло у нашего собеседника незамеченным?». «Что ты имеешь в виду? — спросил Луций, — недоумение по поводу половинной Луны?». «Совершенно верно, — сказал Сулла, ведь имеет же какое-нибудь основание то положение, что если всякое отражение происходит под равными углами [что и падение], то когда половинная Луна находится в середине неба, свет от нее несется не на Землю, а скользит
 930 в сторону. Солнце, находясь у горизонта, лучом касается Луны; поэтому луч, отразившись под равными углами, выйдет на противоположную сторону [горизонта] и не направит свет на нас; иначе следовало бы допустить значительное изменение угла и отклонение луча, а это невозможно». «Но и это, клянусь богами, было высказано», — отвечал Луций, глядя на математика Менелая. «Мне, — сказал он, — совестно, милый Менелай, в твоём присутствии опровергать математическое положение, служащее, можно сказать, основанием учению об отражении. Однако же необходимо заметить, что положение, “будто всякое отражение происходит под равными углами”, и не самоочевидно и не всеми принимается [на веру]⁶⁴. Оно опровергается, во-первых, вогнутыми зеркалами, когда при направлении зрения на известную точку они

дают изображения большие действительных; опровергается также двустворчатými зеркалами, когда, при наклонении их друг к другу и образовании внутреннего угла, каждая из двух поверхностей дает двойное изображение и видны бывают четыре изображения одного лица: два перевернутых и два неперевернутых, заметные в глубине зеркал, неясные. Причину их появления объясняет Платон⁶⁵. Он сказал, что если зеркала приподнять с двух сторон, тогда лучи зрения обменяются отражениями, переходя с одной стороны на другую. Если, следовательно, изображения отбрасываются к нам одни прямо, другие соскальзывают на иные части зеркал и [уже] оттуда возвращаются к нам, то невозможно, чтобы все одновременно видимые отражения происходили под равными углами. А иные [спорят с математиками] утверждая, что равенство углов нарушается течениями света, несущимися с Луны на Землю, считая такое объяснение более правдоподобным, нежели первое. Но все-таки, если и следует подарить и уступить это положение⁶⁶ многолобозной геометрии, то, во-первых, такое явление должно происходить при тщательном отполированных зеркалах, а Луна имеет много неровностей и шероховатостей — так, что лучи, падающие от большого тела на значительные возвышенности, отбрасываются и рассеиваются, отражаются в разнообразных направлениях и переплетаются; они образуют сложный отблеск, несущийся к нам как бы от многих зеркал. Затем, даже если предположить, что у самой Луны отражения совершаются под равными углами, то очень возможно, что лучи, пронесясь через столь большое пространство, подвергаются преломлениям и отклонениям так⁶⁷, что гнут и сливают свой свет. Некоторые даже чертежами доказывают, что многие лучи испускаются по линии, проведенной от поверхности, которая отвернута от нас. Но давать во время изложения и чертеж, и при том для многих [собеседников], было бы неудобно.

18. Вообще, — продолжал Луций, — я удивляюсь, почему это против нас [академиков] выдвигают [свечение] половинчатой Луны, а равно обоюдовыпуклой и серповидной⁶⁸. Если бы масса Луны, освещаемая Солнцем, была эфирной или огненной, то Солнце не оставляло бы ей полушария, которое для нашего восприятия всегда находится в тени и не освещено. Напротив, если бы, обходя Луну, оно лишь немного коснулось ее, то ей следовало бы всецело наполниться светом и, благодаря легкой подвижности света и повсеместному его распространению, всей измениться. Ведь вино, коснувшись воды с краю, и капля крови, попавшая в

C

D

E

F

- жидкость, окрашивают всю массу в пурпурный цвет⁶⁹, да и сам воздух, говорят, становится весь солнечной ярким не от какого-либо излияния солнечных лучей и не от смешения с ними, а от превращения и изменения вследствие столкновения и соприкосновения со светом. Как же [стойки] думают, что звезда, коснувшись звезды, или свет света не смешиваются и не сливаются, но освещают лишь те части поверхности, которых касаются? Круг, образуемый на Луне Солнцем при круговом его движении, то совпадающий с кругом, который отделяет ее видимую часть от невидимой, то становящийся к нему под прямыми углами — так, что пересекает его и им пересекается — этими и другими наклонениями и положениями освещенной части к неосвещенной дает Луне очертания обоюдовыпуклые и серповидные и всего яснее
- В доказывает, что свет Луны есть следствие не смешения, но соприкосновения, и не совместного свечения [светил], но освещения [ее со стороны]. А так как Луна не только [сама] освещается, но посылает и сюда отражение света, это явление дает нам еще более твердую основу для выводов о ее сущности. Отражения производятся не чем либо редким и мелкочастичным; трудно также представить себе свет отскакивающим от света, или огонь от огня; но вещество, производящее отталкивание и отражение, должно быть весомым и плотным, дабы произошел толчок и отскакивание. Солнечному свету воздух дает проход, не создавая препятствий и сопротивления, но от деревянных вещей, камней и одежд, выставленных на свет, лучи Солнца отбрасываются назад и рассеиваются.
- С Таким же образом, мы видим, Солнцем освещается и Земля: она не пропускает, подобно воде, лучей в глубину, и подобно воздуху, через всю толщу; но, как по Луне движется от Солнца круг такой величины, как та ее часть, которая заслоняется, так движется другой круг и по Земле, постоянно освещая такую же по величине часть, а другую оставляя неосвещенною. Освещаемое пространство и на Луне, и на Земле, по-видимому, немного больше полушария. Позвольте мне выразить мою мысль геометрически, по способу аналогии: если из трех тел, на которые падает солнечный свет — Земли, Луны и воздуха — освещение Луны походит более на освещение Земли, нежели воздуха, то необходимо, чтобы тела, испытывающие одинаковое действие от одного и того же предмета, имели и свойства сходные.
- Д 19. Луция все одобрили, и я заметил: «Прекрасно! К удачному объяснению ты присоединил и удачное применение аналогии, ведь нельзя же не признать твоих достоинств». «Итак, — улыбаясь продолжал он, — следует еще раз воспользоваться аналогией.

Именно, из того, что тела не только подвергаются одинаковому действию от одного и того же тела, но и потому, что сами они производят на один и тот же предмет действие одинаковое, мы выведем, что Луна подобна Земле. Что между наблюдаемыми на Солнце явлениями ни одно не походит столько на его закат, как затмение, вы согласитесь со мною, припомнив недавнее соединение светил: начавшись тотчас после полудня, оно сделало видимыми много звезд в разных частях неба⁷⁰, а воздуху дало окраску, как на закате. Если же не припомните, то вот наш Феон приведет нам места из Мимнерма⁷¹, Кидия⁷² и Архилоха⁷³, и кроме них, из Стесихора и Пиндара⁷⁴, которые при затмениях горестно взывали, что у них “похищают самое светлое божество”⁷⁵, что “среди дня настала ночь”⁷⁶ и что луч Солнца “[вступил] на стезю мрака”⁷⁷, и всех авторитетнее — Гомера, который говорит: “ночью и мраком объемятся лица людей”⁷⁸; “Солнце исчезло с неба”⁷⁹, “когда тает одна Луна и нарождается другая”⁸⁰.

Остальное доведено, полагаю, точными математическими изысканиями до значения прочного и непоколебимого закона, именно: ночь есть тень Земли⁸¹, солнечное затмение — тень Луны⁸², когда луч зрения останавливается Луной. При заходе Солнце заслоняется от нашего зрения Землей, а при затмении — Луной. Оба явления суть затмения, но при закате зрение заграждается Землей, а при затмении — тенью Луны. Отсюда легко сделать вывод. Если следствия подобны, то подобны и причины: одни и те же действующие [агенты] приводят в одних и тех же вещах к одинаковым следствиям. Если же при затмениях мрак не так глубок и не столь тяготеет над воздухом, как ночью, то это неудивительно: хотя сущность тела, производящего ночь и производящего затмение, одна и та же, величина его не одинакова. Египтяне, помнится, утверждают, что Луна есть семьдесят вторая доля [Земли]⁸³; Анаксагор считал ее равною Пелопоннесу⁸⁴; Аристарх доказывает, что отношение земного диаметра к лунному менее, чем 60 к 19, но несколько более, чем 108 к 43⁸⁵. Следовательно, Земля, вследствие большого размера, полностью заслоняет Солнце от зрения; заграждение велико и его продолжительность равна длине ночи; а у Луны, хотя она иногда и закрывает все Солнце, затмение не имеет ни продолжительности, ни длительности: некоторые лучи выходят за край, не давая тени сгуститься и стать совершенно мрачной. Древний Аристотель к прочим причинам того, почему лунные затмения случаются чаще солнечных, добавляет еще следующую: Солнце затмевается, когда его заграждает Луна, а Луна затмевается Землею; и так как Земля больше Луны,

E

F

932

B

C

то Луна и затмевается чаще⁸⁶. Посидоний определил это явление так: «затмением Солнца является следующее состояние: соединение тени Луны с любой частью Земли, которую она может закрывать. Оно видимо лишь теми, между зрением коих и Солнцем становится тень Луны». Недоумеваю, что он оставил сказать себе самому, раз признает, что на нас падает тень Луны: от звезды не может быть тени; ибо тенью называется неосвещенное [место]; а свет не производит тени, но естественно уничтожает ее⁸⁷.

- D 20. Хорошо, — продолжал он, — ну а какое доказательство было представлено затем?» «Да что и Луна, — отвечал я, — подвергается такому же затмению». «Ты это верно напомнил», — сказал он, — но должно ли мне допустить, что вас это убедило и вы согласны, что Луна затмевается, когда ее охватывает тень, и обратиться к продолжению прежней речи, или представить изложение с доказательствами каждого из перечисленных положений?⁸⁸» «Клянусь богами, — сказал Феон, — изложи свое рассуждение. Мне тоже нужно некоторое убеждение, потому что я слышал только, что когда эти три тела — Земля, Солнце и Луна — попадают на одну прямую, то и случаются затмения: то Земля закрывает Солнце от Луны, то Луна от Земли. Солнце затмевается, когда посередине между тремя становится Луна, а Луна, когда посередине находится Земля. Первое бывает в новолуние, а второе в полнолуние». Тогда Луций начал: «Главнейшие из положений суть следующие. Прибавь, если хочешь, во-первых, довод, вытекающий из очертания тени: она есть конус, как это бывает, когда большой сферовидный огонь или свет обнимает меньшую и сферовидную массу. Отсюда, при затмениях Луны очертания затмеваемых пространств на фоне освещенных выступов получают вогнутыми⁸⁹; ибо сечения, образующиеся при соприкосновении
- F закругленного тела с таковым же — получает ли оно их, или производит — выходят из-за склонности к единообразию, всегда закругленные⁹⁰. Во-вторых, ты, полагаю, знаешь, что у Луны прежде всего затмеваются части, обращенные к востоку, у Солнца — западные; и что хотя тень Земли движется с востока на запад, Солнце и Луна движутся в противоположном направлении — на восток. Эти явления и чувствам доступны и для объяснения их не нужны длинные рассуждения: они неопровержимо доказывают причину затмения. Так как Солнце затмевается, когда заслоняется, а Луна, когда идет навстречу производителю затмения, то
- 933 предпочтительнее, а точнее, поэтому необходимо, чтобы Солнце затмевалось с задней стороны, а Луна спереди. Покрытие начина-

ется оттуда, откуда начинает надвигаться покрывающее тело: Луна, нагоняя Солнце, надвигается на него с запада; а на Луну тень [Земли] набегает с востока, наступая как бы в противоположном направлении. В-третьих, прими во внимание продолжительность и величину затмений. Затмеваясь в высоте и отдалении от Земли, Луна скрывается на короткое время, а проходя близ Земли и низко, она при этом явлении заслоняется плотно и медленнее выходит из тени, хотя, проходя низко, она имеет наибольшую, а в высоте наименьшую скорость. Причина этому явлению в разнице тени: будучи наиболее широкой при основании, как это бывает в конусообразных телах, тень, мало-помалу суживаясь, наверху оканчивается остроу и тонкой верхушкой. Отсюда Луна, вступаая в тень внизу, захватывается наибольшими ее кругами⁹¹ и проходит глубокую и наиболее густую ее часть; а вверху, как бы на от-
мели, скользнув по затененному пространству, благодаря его узости, высвобождается из тени быстрее⁹². Я пропускаю то, что кроме этого было сказано собственно о фазах и различиях, ибо для них, насколько возможно, подразумевается та же причина, и возвращаюсь к предыдущему доказательству, основанному на свидетельстве чувств. Мы видим, что огонь из затененного места дает более яркий свет и сияние. Это происходит либо вследствие плотности затененного воздуха (который не допускает истечений и разлитий, но связывает и стягивает вещество света в одно), либо из-за изменений в нашем восприятии (подобно тому как теплое рядом с холодным кажется теплее, а удовольствия после страданий становятся сильнее, так и впечатление [*φαντασιαν*] из-за различий усиливается). Более вероятным кажется первое объяснение, ибо при солнечном свете огонь всякого свойства не только утрачивает световую способность, но вследствие относительной слабости становится бездейственным и менее жгучим, ведь жар Солнца рассеивает и разрежает его силу⁹³. Тогда, если бы Луне, как светилу, по словам [стоиков], более мутному, достался на долю огонь слабый и недействительный, то на ней не было бы ни одного из явлений, наблюдаемых теперь; ей следовало бы представлять явления прямо противоположные: являться, когда она скрывается, скрываться, когда теперь она является, то есть быть скрытой все остальное время, пока ее омрачает окружающий эфир⁹⁴, и сиять и становиться видимою раз в шесть или иногда раз в пять месяцев⁹⁵, когда она погружается в тень Земли, поскольку из 465 полных лунных затмений 404 имеют шестимесячный цикл, а остальные — пятидесятилетний. Через периоды такой продолжительности Луна должна была быть видимою, сияя в тени, а она в

B

C

D

E

тени затмевается и теряет свет, вновь обретая его, как только выйдет из тени: она часто бывает видима даже днем; так что она есть все что угодно, но не огненное и звездоподобное тело».

- F 21. Когда Луций только заканчивал изложение, Фарнак и Аполлонид вместе словно набросились на него. Затем, когда Аполлонид уступил слово Фарнаку, то последний сказал, что это и доказывает всего лучше, что Луна есть звезда, или огонь, ибо во время затмений она не совсем невидима, но представляет цвет как бы тлеющего угля, наводящий ужас, и этот цвет есть ее собственный⁹⁶. А Аполлонид настойчиво возражал против тени: этим-де словом математики всегда обозначают место неосвещенное, а небо не допускает тени. Тогда я заметил: «Это значит возражать скорее против названия, как в споре из-за слов, нежели против дела, как это должно быть в физике и математике; ибо если бы кто не желал называть находящуюся под Землей и ею заслоняемую область — “тенью”, а предпочел бы сказать, что это место “без света”, то Луна, попав в него, все-таки необходимо теряла бы свой свет⁹⁷. И вообще, — прибавил я, — наивно утверждать, что тень Земли не достигает туда, откуда тень Луны, падая на зрение и достигая Земли, производит затмение Солнца. Обращусь к тебе, Фарнак. Тот, подобный тлеющему углю, раскаленный цвет Луны, который ты признаешь ее собственным, есть признак тела, имеющего плотность и толщину, ибо на телах неплотных не бывает никакого остатка пламени, и уголь не образуется там, где нет плотного тела, которое благодаря плотности и толщине допускает и сохраняет накаливание. Как и Гомер где-то сказал:

чуть же огонь ослабел и багряное пламя поблекло,
угли разгребши...⁹⁸

- Ведь, как представляется, уголь не есть огонь. Это подвергшееся действию огня и им измененное тело; огонь же держится и продолжается в массе твердой, имеющей плотную сердцевину⁹⁹.
- С Пламя, напротив, есть воспламенение и текучесть неплотного питания и материи; оно быстро прогорает вследствие своей слабосильности. Следовательно, если бы цвет раскаленного угля был собственным цветом Луны, не было бы никакого более сильного доказательства, что Луна — тело землистое и плотное. Но этого нет, любезный Фарнак. Во время затмений Луна меняет много цветов, и ученые следующим образом различают их, распределяя по времени и часу¹⁰⁰. Если Луна затмевается с вечера, то до третьего с половиной часа кажется весьма темной; если в полночь, то

посылает огненный и огневидный цвет; с седьмого часа с половиной появляется краснота, и наконец, уже к утренней заре, Луна принимает синеватую или светло-голубую окраску, по которой, конечно, преимущественно и называли ее поэты и Эмпедокл “светлоокая”. Итак, видя, что Луна принимает в тени столько оттенков, [возражатели наши] неправильно останавливаются на одном цвете раскаленного угля, который можно бы было назвать особенно чуждым Луне и скорее примесью и остатком света, пробивающегося сквозь тень; собственный же ее цвет — темный и землистый. Если здесь [на Земле], рядом с открытыми Солнцу реками и озерами места, затененные пурпурными и багряными тентами, окрашиваются и отсвечивают тем же цветом, отбрасывая вследствие отражения множество разнообразных отблесков, то что удивительного, если обильный поток тени, вливаясь как бы в небесное море света — не постоянного и спокойного, но волнующего тысячами звезд и допускающего всяческие смешения и оттенки — принимает от Луны то так, то иначе выработанную окраску¹⁰¹? Звезда или огонь не просвечивали бы сквозь тень темным, голубоватым или синим цветом; а на горы, равнины и моря налетают от Солнца многочисленные оттенки цветов — смешиваясь с тенями и туманами, блеск Солнца накладывает оттенки, подобные краскам живописцев. Цвета моря пытался тем или иным способом изобразить словами Гомер, говоря о “фиолетовой”¹⁰² или “вино-красной пучине”¹⁰³, о “пурпурной волне”¹⁰⁴, а в другом месте о “голубом море”¹⁰⁵ и “белой глади”¹⁰⁶. О различиях же в окрасках земных предметов, наблюдаемых в разное время, он умолчал, ибо количество их бесконечно. Невероятно, чтобы Луна имела, подобно морю, однообразную поверхность; по-видимому, всего более она походит по природе на Землю, изображенную в мифе древним Сократом¹⁰⁷, который или иносказательно описывал здешнюю Землю, или рассказывал о какой-либо другой. И нет ничего невероятного и удивительного, если Луна, не содержа себе ничего испорченного и гнилостного, собирает от неба чистый свет и исполнена теплоты, которая есть огонь — не жгучий и буйный, но влажный, безвредный, соответствующий ее природе; она имеет удивительно красивые местности, пламенеобразные горы, зоны, окрашенные в пурпур [с] золотом и серебром, не рассеянным в глубине, но обильно выступающим на поверхность в равнинах, или лежащим кругом по гладким возвышенностям¹⁰⁸. Если же сквозь тень до нас доходит отблеск всего этого, разнообразный из-за изменений и различий в окружающей [атмосфере], Луна от этого, конечно, не теряет ни в почести, ни в божествен-

D

E

F

935

B

- ности, будучи всегда почитаема у людей скорее как некая божественная и священная Земля, чем как грязный и мутный огонь, каким ее представляют стоики¹⁰⁹. Правда, огонь пользуется поклоном при варварских обрядах у мидян и ассирийцев, которые из-за страха предпочитают поклоняться не предметам, достойным почитания, но скорее предметам, наносящим вред, дабы отвлечь от себя их гнев. У всякого эллина, однако, имя Земли любезно и почетно, и у нас это прародительский обычай чтить ее,
- C как и другие божества. Но мы, люди, очень далеки от того, чтобы Луну, эту небесную Землю, считать телом без души и ума, лишённым тех свойств, в силу коих нам подобает приносить божественные жертвы, по закону воздаявая благодарения за полученные блага и по естественному чувству чувствуя то, что выше нас добродетелью, силой и достоинством. Поэтому мы полагаем, что несколько не грешим, принимая Луну за Землю, а это видимое лицо ее — за следствие того, что, как у нас Земля имеет значительные углубления, так и Луна изрезана глубокими пропастями и расселинами, содержащими воду, или темный воздух: солнечный свет внутрь их не проникает и их не касается, но затмевается и посылает сюда прерывистое отражение¹¹⁰».
- D 22. Беря слово, Аполлонид сказал: «Тогда, ради самой Луны, находите ли вы возможным, чтобы тени от каких-нибудь расселин, или пропастей достигали нашего зрения здесь? Или вы не просчитываете последствий и их должен высказать я? Слушайте же, хотя вы и сами знаете их. Видимый поперечник Луны имеет двенадцать пальцев при ее среднем удалении; а каждое из темных и теневых пятен представляется более полупальца, так что оно
- E более двадцать четвертой доли ее диаметра. Теперь, если, предположим, окружность Луны только в 30000 стадиев¹¹¹, а поперечник в 10000, тогда при этом предположении каждое из теневых пятен на ней было бы не менее 500 стадиев¹¹². Так посмотри, во-первых, возможно ли, чтобы на Луне были такие углубления и неровности, чтобы бросать столь большую тень; а затем, как при такой величине они нам не видны?» Я отвечал ему, улыбнувшись: «Браво, Аполлонид! Ты подыскал такое доказательство, посредством которого докажешь, что и я, и ты сам больше, чем знамени-
- F тые сыны Алося¹¹³, не во всякую, однако, пору дня, но преимущественно рано утром и поздно вечером, если думаешь, что Солнце, давая огромные размеры нашей тени, доставляет этим самым чувству достаточное основание для заключения, будто, если велико покрываемое тенью пространство, то велик и предмет, бросающий тень. На Лемносе, я хорошо знаю, ни ты, ни я не бывали,

однако мы не раз слышали преизвестный ямб: “Афон покрывает спину Лемносской коровы”¹¹⁴; ибо тень сей горы, как кажется, ложится на некую медную телицу, простираясь по морю не менее чем на 700 стадиев в длину¹¹⁵. Но, я полагаю, это не означает, что отбрасывающее тень тело имеет семьсот стадиев в высоту, ибо тень во много раз превышает размер отбрасывающих ее тел из-за удаленности светящего тела¹¹⁶. В этом смысле обрати внимание, что когда Луна бывает полною и вследствие глубины тени представляет наиболее отчетливый вид лика, Солнце находится от нее на наибольшем расстоянии; ибо именно удаленность светящего тела дает тени большой размер, а не высота лунных неровностей. Кроме того: даже [на Земле] солнечный блеск не позволяет днем рассмотреть вершины гор, тогда как углубления, впадины и тенистые места бывают видны издалека. Поэтому вполне естественно, если и на Луне нельзя отчетливо разглядеть местность, отражающую солнечные лучи и освещенную, тогда как теневые места, лежащие рядом с ярко освещенными, доступны зрению по причине контраста.

936

В

23. Однако, вот что, — сказал я, — кажется более веским возражением против обыкновенно принимаемого отражения от Луны: люди, стоящие в отраженных лучах, видят не только освещаемый предмет, но и тот, что освещает. Например, когда при отражении света от воды на стену глаз помещается в этом самом, освещенном отражением, месте, то он видит три предмета: отраженный свет, производящую отражение воду и самое Солнце, чей падающий на воду свет отражается. Так как относительно этого явления разногласия нет, и оно очевидно, то наши противники [стоики] требуют от тех, кто утверждает, что Земля освещается отраженным от Луны солнечным светом, чтобы им ночью указали видимое на Луне Солнце, как оно днем бывает видимо в воде, когда от нее происходит отражение. А так как этого не видно, то они и думают, что освещение происходит каким-нибудь иным способом, но не отражением; и что, ежели отражения нет, то Луна не Земля». «Тогда что, — спросил Аполлонид, — можно сказать против них? У них, по-видимому, представление об отражении общее с нами». «Конечно, — отвечал я, — в некотором смысле общее, но в другом и не общее. Во-первых, обрати внимание на их представление об отраженном изображении: как превратно. Будто “реки, текущие вверх”¹¹⁷ они понимают его. Ведь на Земле вода находится “на земле и внизу”; Луна — “над землею и вверх”; поэтому отраженные лучи образуют углы, противоположные друг другу: один сверху, обращенный вершиною к Луне, другой

С

D

внизу — вершиною к Земле. Итак они не должны требовать, чтобы всякое отраженное изображение было зеркально точно и чтобы при всяком расстоянии отражение было сходно: иначе они воюют против очевидного факта. С другой стороны, утверждающие¹¹⁸, что Луна не есть тело тонкое и гладкое, подобно воде, но тяжелое и землеобразное, непонятно отчего требуют, чтобы глаз видел на ней изображение Солнца. Ведь и молоко не дает таких зеркальных изображений и не отражает лучей зрения вследствие неровности и шероховатости частиц¹¹⁹. Как же возможно Луне давать от себя отражения, подобно более гладким отражающим поверхностям? Хотя, конечно, и эти последние, если в той точке, где должно происходить отражение луча зрения, оказывается какая трещина, пятно, или неровность, становятся слепы и, хотя сами бывают видны, но отражения не дают. Кто утверждает, что Луна должна или отражать также лучи нашего зрения от себя к Солнцу, или не отражать уже Солнца от себя к нам, тот наивен, требуя, чтобы глаз был Солнцем, зрение — светом, а человек — небом. Поскольку свет Солнца из-за своей силы и яркости ударяется, достигая Луны, отражение достигает нас; но луч зрения, слабый, разреженный и гораздо более тонкий, что странного, если и отталкивающего удара не производит, а отскакивая, не сохраняет непрерывности, но делится и теряет силу, не имея достаточно света, чтобы не дробиться о неровности и шероховатости [Луны]? Отражение [зрения] от воды и других отражающих поверхностей может отскочить к Солнцу, ибо сохраняет свою силу из-за близости к своему источнику [то есть, глазу]. Это возможно. Но от Луны если и бывают какие отталкивания, то они должны быть слабы, ненапряженны, и вследствие отдаленности теряют силу прежде, чем доходят к нам. Более того, если вогнутые зеркала дают отраженный свет более сильный, нежели первоначально упавший на них, так что часто отбрасывают пламя¹²⁰, то выпуклые и шарообразные дают отражение слабое и неярко, потому что не со всех сторон оказывают отпор лучам. Замечается, например, что когда появятся две радуги от того, что одно облако охватывается другим, то радуга объемлющая представляет цвета более тусклые и неяркие; ибо внешнее облако, отстоя от глаза далее, дает отражение недостаточно напряженное и сильное¹²¹. Впрочем, к чему же излагать дальнейшие доказательства? Ведь если отраженный от Луны солнечный свет теряет весь свой жар, а от всей его яркости до нас доходит лишь слабый и бездейственный остаток, возможно ли, чтобы от зрительного луча, когда он совершает “двойной про-

бег”, некая часть остатка достигала от Луны до Солнца? Я, по крайней мере, так не думаю. Примите во внимание еще и то, — прибавил я, — что, если бы наше зрение испытывало такое же действие от Луны, как от воды, то полный лунный диск должен был бы представлять изображения и Земли, и растений, и людей, и звезд, как их представляют прочие отражающие поверхности; но если луч зрения вследствие ли своей слабости, или неровности лунной поверхности не отражается в их сторону, то нельзя требовать, чтобы он отражался в сторону Солнца.

24. Итак, мы, — сказал я, — со своей стороны сообщили из того рассказа то¹²², что сохранила память. Пора пригласить Суллу, или скорее потребовать от него изложения — условие, на котором он был допущен слушателем. Так что, прекратив, если вы согласны, прогулку [*περίπατον*] и усевшись на ступенях¹²³, составим ему аудиторию из сидящих слушателей». Предложение было принято, и, когда мы уселись, Феон сказал: «Хотя я и сам, Ламприй, не менее каждого из вас желаю слышать предстоящее сообщение, но наперед выслушал бы с большим удовольствием о тех, кто, по рассказам, живет на Луне¹²⁴, и не о том, живет ли кто там, но возможно ли там жить. Ибо если это невозможно, то Луне нет смысла быть Землею. Тогда можно подумать, что она возникла без пользы и напрасно, ни плодов не принося, ни доставляя каким-либо людям пристанища, рождения, ни средств к жизни — целей, ради коих возникла, мы утверждаем по Платону, и эта “наша кормилица, верная охранительница и создательница дня и ночи”¹²⁵. Ты видишь, как много говорится об этом и в шутку, и серьезно: у тех де, которые живут под Луной, Луна висит над головами, как Танталов камень¹²⁶, и наоборот, на ней живущие, как иксионы¹²⁷, стремительно кружатся, и быстрое вращение препятствует их падению с нее. Притом у Луны движение не одно: она, как ее где-то называют, “трехдорожная”¹²⁸: движется по зодиаку вспять сразу в длину, ширину и глубину. Первое движение математики называют круговым, второе — геликоидальным [*ἑλικία*], третье, не знаю почему, неравномерным [*ἀνομαλίαν*], хотя и видят, что у нее вообще движения, которое было бы равномерным, и подчиненным периодическим возвращениям. Итак, если бы какой-нибудь лев был сброшен стремительным вращением на Пелопоннес¹²⁹, в этом не было бы ничего удивительного. Удивительнее то, что мы не видим постоянно паденье бесчисленных “людей и жизней отринутых”¹³⁰, как бы низвергнутых вниз голо-

C

D

E

938 вой и перекувырнутых. Смешно было бы говорить о жизни там людей, если там нельзя ни родиться, ни прожить. Ведь если египтяне и троглодиты¹³¹, у которых Солнце стоит в зените одно мгновение одного дня во время солнцестояния, а затем уходит, едва не бывают сожжены сухостью окружающего воздуха, то мыслимо ли, чтобы обитатели Луны выдерживали, когда двенадцать раз в году бывает лето, так как Солнце стоит над ними отвесно каждый месяц во время полнолуния? Существования ветров, облаков и дождей, без коих не бывает ни произрастания растений, ни сохранения уже выросших, там предположить нельзя вследствие жары и разреженности окружающего воздуха: ибо и здесь [на Земле] верхние части гор не допускают свирепых встречных бурь¹³²: но воздух, [будучи уже разреженным] и имея колебание вследствие легкости¹³³, не способен к такому сгущению и оплотнению. Разве только мы, клянусь небом, станем утверждать, что как Афина давала Ахиллесу, не принимавшему пищи, по капле нектару и амвросии¹³⁴, так и Луна, которая называется и действительно есть Афина¹³⁵, питает лунных обитателей, доставляя им ежедневно амвросию, которой, по мнению древнего Ферекида¹³⁶, питаются и боги. Ибо даже индийский корень — который, по Мегасфену, люди, не имеющие рта¹³⁷, не принимающие ни пищи, ни питья, зажигают и курят, насыщаясь его запахом — откуда может расти там, когда на Луне не бывает дождя?»

25. Когда Феон кончил, я сказал: «Замечательно, своей шутилой речью ты наилучшим образом разглядел [нахмуренные] брови у всех нас, а потому и у нас появляется смелость держать ответную речь в ожидании не резкой и не суровой критики. Ведь на деле нет особой разницы между людьми, твердо верящими в подобные вещи, и теми, кого это сильно раздражает, кто совершенно в это не верит и не желает спокойно разобрать, что здесь возможно и что вероятно. Так, во-первых, нет необходимости заключать, что Луна возникла без пользы и цели, если на ней не обитают люди. Ведь мы видим, что и эта вот Земля не вся плодородна и обитаема, но лишь малая ее часть как бы на каких-то вершинах и полуостровах, выступающих из глубины, способна производить животных и растения; из прочих же частей одни пустынно и бесплодны вследствие холодных зим и засух, а большинство погружены в великое море. Но ты, поскольку всегда считаешь и восхищаешься Аристархом, не слушаешь Кратета, который читает:

...Океан, давший начало всем
людям и богам, покрывает большую часть Земли¹³⁸.

Однако эти части возникли не напрасно. Море посылает Е
смягчающие испарения; среди лета постепенно тающие снега
распространяют и разливают из необитаемой, мерзлой страны
самые душистые ветры¹³⁹, а посредине поставлена, согласно Пла-
тону, “ревностная охранительница и устроительница дня и но-
чи”¹⁴⁰. Так и Луне ничто не препятствует быть лишеною живот-
ных и пустынною, но в то же время давать отражение разливаю-
щемуся около нее свету и место соединению и смешению в ней F
звездных лучей, благодаря чему она перерабатывает земные ис-
парения и вместе с тем умеряет слишком иссушающий жар Солн-
ца¹⁴¹. Отдавая определенную дань древнему преданию, мы ска-
жем, что Луна признается за Артемиду¹⁴², как девственница и
бездетная, но с другой стороны и как защитница, приносящая
пользу [женщинам]. Во-вторых, из сказанного тобою, милый Фе-
он, ничто не свидетельствует о невозможности жизни на Луне.
Вращение ее, отличаясь значительной медлительностью и спо-
койствием, смягчает и равномерно распределяет сосредоточива-
ющийся около нее воздух и тамошним обитателям нисколько не 939
грозит опасность быть сброшенными и низвергнутыми. А отсут-
ствие простоты, само это разнообразие и изменчивость ее движе-
ния не есть следствие отклонений или возмущений. Напротив,
астрономы показывают в этих явлениях дивный порядок и посту-
пательное движение. Они направляют Луну по неким кругам, об-
ращающимся около других кругов: одни полагают, что она сама
покоится, другие считают, что она плавно и равномерно пятится,
всегда с постоянной скоростью¹⁴³. Ведь наложение этих кругов и
их вращений, их положение друг к другу и к нам с величайшей
точностью объясняют видимые изменения ее движения: высокое
и низкое [стояние], равно как отклонения по широте вместе с об- B
ращениями по долготе¹⁴⁴. Сильного пекла и постоянного жара
Солнца ты перестал бы бояться, если бы, во-первых, противопос-
тавил двенадцати летним полнолуниям соединения и допустил,
что непрерывность изменений обуславливает умеренность избыт-
ков [тепла и холода], поскольку те продолжаются короткое время,
что устраняет обе крайности. А в промежутке, как можно предпо-
лагать, у них стоит пора, весьма подходящая весенней. Кроме
того, к нам Солнце через густой, сдавливающий воздух посылает
жар, усиливаемый испарениями; там же воздух, тонкий и про- C
зрачный, рассеивает и разливает свет, не требующий никакого

производящего и поддерживающего вещества¹⁴⁵. Здесь лес и плоды питаются дождями, но в других местах, как например, у вас¹⁴⁶, выше Фив и Сиены, земля напояется не дождевой, а почвенной водой; пользуясь ветрами, росами и благодаря хорошему качеству и благоприятствованию, она не допустила бы сравнения, полагаю, по плодородию с обильно орошаемой [дождем] почвой. У нас те же породы растений, хотя и сильно страдают от зимних холодов, D однако плоды приносят обильные и хорошего качества, а в Ливии, и у вас в Египте, они бывают очень зябки и чувствительны к зимнему холоду. В Гедросии и стране троглодитов, в той их части, которая спускается к морю, земля вследствие сухости совсем бесплодна и лишена деревьев; но в прилежащем к ним, омывающем их море встречаются растения удивительных размеров, развивающиеся в глубине: из них одни называются маслинами, другие — лаврами, третьи — волосами Исиды¹⁴⁷. А так называемые анакампероты, будучи даже вырыты из земли и подвешены, не только живут сколько угодно долго, но даже пускают отростки¹⁴⁸. Некоторые растения сеются к зиме, а некоторые — в разгар лета, например, кунжут и просо¹⁴⁹; а тимьян¹⁵⁰ или василек, если их E посеять в хорошую, жирную почву и увлажнять поливкой, утрачивают природные свойства и теряют силу, напротив сухость любяют, и свойственное им действие от нее увеличивается¹⁵¹. А некоторые растения, как утверждают, подобно весьма многим аравийским, не выносят даже росы и от поливки хиреют и гибнут¹⁵². Тогда что удивительного, если на Луне произрастают корнеплоды, семена и деревья, совсем не нуждающиеся ни в дождях, ни в F снегах, но легко живущие при летнем, тонком воздухе? Почему нельзя предположить, что там поднимаются согреваемые Луной ветры, и ее колебанию при вращении постоянно сопутствуют струи воздуха, тонкие влаги и росы, которые, окружая ее и по ней распространяясь, достаточны для произрастания; сама же она по свойству состава есть тело не огненное и сухое, но мягкое и влажное? Ведь на нас она не производит никакого иссушающего действия, а наоборот оказывает много влияний влажности и женственности, например, в ее влиянии на рост растений, на разложение мяса, на изменение свойства и утрату крепости вин, на разрыхление дерева, на благополучие родов у женщин¹⁵³. Я опасаясь 940 вновь раздражить и взволновать успокоившегося Фарнака, присоединяя сюда, как говорят [его единомышленники] стоики, приливы океана, поднятие воды в проливах, разливающихся и переполняемых вследствие увеличения влаги Луною¹⁵⁴. Поэтому я лучше

обращусь к тебе, милый Феон. Ты ведь, объясняя нам слова Алкмана: “Роса, дочь Зевса и божественной Луны, питает...”, говоришь, что поэт в этом месте “Зевсом” называет воздух и утверждает, что увлажненный Луной, он обращается в росу¹⁵⁵. Скорее всего, мой друг, Луна имеет естественные свойства, противоположные Солнцу: она смягчает и увлажняет то, что Солнце делает твердым и иссушает; она насыщает влагою и охлаждает даже притекающую к ней от Солнца и смешивающуюся с нею теплоту. Вот почему мнение тех, кто считает Луну огненную и раскаленную, ошибочно; да и те, кто для возникновения, питания и жизни тамошних существ требует присутствия тех же условий, что и здесь, ослеплены, надо полагать, разнообразием явлений природы, в которых между живыми существами можно найти более резкие и многочисленные различия и несходства, чем между живыми и неодушевленными¹⁵⁶. Допустим, пожалуй, что нет питающихся запахом людей, лишенных ртов, которые, по мнению М[егасфена], на самом деле [существуют]; однако на вещество, утоляющее голод¹⁵⁷, свойство которого он пытался нам объяснить, намекнул Гесиод¹⁵⁸, сказав “на великую пользу идут асфодели и мальва”, и Эпименид вполне разъяснил, доказав, что природа совершенно малым количеством питательного вещества восстанавливает и поддерживает живое существо, если оно принимает его в размере даже даже маслины, не нуждаясь более ни в какой пище. Обитатели Луны, если таковые существуют, вероятно, телосложения не тучного и способны питаться чем приходится; ибо и сама Луна, подобно Солнцу — в несколько раз большему живому огненному существу — питается, как утверждают, земною влагой, как и прочие бесчисленные звезды. Поэтому предполагают, что верхнее пространство производит живые существа тонкой организации и с ограниченными животными потребностями. Но мы не знаем ни этих существ, ни того, подходят ли для них иные места, природа и климат. Итак, подобно тому, как если бы мы, не имея возможности приблизиться и прикоснуться к морю, лишь издали видя его и зная, что вода в нем горька, не пригодна для питья и солона, слышали от кого-нибудь, будто оно содержит в глубине множество больших и разнообразных животных, и наполнено зверями, которые пользуются водою, как мы воздухом, то нам казалось бы, что он рассказывает басни и небылицы; так мы, по-видимому, относимся к Луне, не веря, что там обитают какие-нибудь люди. А тамошние обитатели с гораздо большим удивлением смотрят на Землю, видя в ней отстой и подонки [ἰλύν]

B

C

D

E

вселенной, что мутно просвечивает сквозь влагу, туманы и облака, как неосвещенное, низинное и неподвижное место, — дивятся, как это Земля производит и питает живые существа, одаренные движением, дыханием и теплотою. И если бы им довелось услышать где-нибудь гомеровские строки о [жилищах Аида], “мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги”¹⁵⁹, и о [Тартаре, который] “настолько же ниже Аида, насколько Земля ниже Неба”¹⁶⁰, то они без сомнения стали бы утверждать, что это просто описание сего места, а Аид и Тартар определены сюда, тогда как что одна только Луна есть Земля, находящаяся на одинаковом расстоянии от тех верхних и от этих нижних пространств».

26. Я еще говорил, когда Сулла, прервав меня, сказал: «Стой, Ламприй, и затвори дверь твоему слову, чтобы, так сказать, невзначай не свести миф на Землю и не перепутать ход моей драмы, у которой другое место действия и другое построение. Сам я всего лишь рассказчик, но сначала скажу, что ее автор начал для нас — если нет возражений — по Гомеру:¹⁶¹ “остров некий, Огигия, лежит далеко в море”¹⁶², — в пяти днях от Британии, если плыть на запад, а три другие острова, находящиеся от нее и друг от друга на равном расстоянии, лежат дальше, приблизительно в сторону летнего заката Солнца. На одном из них, по рассказам местных жителей, Зевс заточил Кроноса, а рядом поставил древнейшего [Ὠκύγιον] Бриарея, который несет стражу, охраняя те острова и море, именуемое морем Кроноса¹⁶³. Великий материк, кольцом окружающий великое море¹⁶⁴, недалеко отстоит от прочих островов, а от Огигии на пять тысяч стадий; и плыть по нему надо на веслах, ибо оно проходится медленно и наполнено илом от множества течений¹⁶⁵, а течения эти высылаются Большою Землей; от них образуются наносы, и от этого море стало густым и землистым. Отсюда и вышло мнение, будто оно замерзшее¹⁶⁶. Побережье материка — вокруг залива не меньшего Меотиды¹⁶⁷, устье которого лежит приблизительно на линии устья Каспийского моря¹⁶⁸ — населяют эллины; они называются и считают себя обитателями материка, а жителей сей земли — островитянами, так как ее кругом омывает море. Они думают, что люди, прибывшие с Гераклом и там им оставленные, смешались впоследствии с людьми Кроноса и как бы вновь воспламенили опять вошедшее в силу и распространившееся эллинство, уже угасшее там и одолеваемое варварским языком, законами и обычаями. Поэтому двум они оказывают почести — сначала Гераклу, а затем — Кроносу. Итак, когда звезда Кроноса, которую мы называем “Сияющей”¹⁶⁹, а они — “Ночным Стражем”, раз в тридцать лет вступает в знак

Тельца¹⁷⁰, они, приготовив за долгое время все, что требуется для жертвоприношения и морского путешествия, высылают на соответствующем количестве судов избранных по жребию лиц с многочисленной прислугой и припасами, необходимыми для тех, кому нужно плыть на веслах по столь обширному морю и, высадившись, проживать долгое время на чужбине. После отплытия им, как следовало ожидать, выпадает разная судьба. Благополучно переплывшие море сначала достигают далее лежащих островов, населенных эллинами, и в течение тридцати дней видят Солнце скрывающимся из виду менее, чем на один час¹⁷¹; это и есть ночь, хотя едва темно и с запада брезжит рассвет. Проводя там девяносто дней среди изъявлений почета и дружбы, считаясь и называясь священными, путники отбывают дальше с наступлением поры ветров. Там, впрочем, не живет никто, кроме них самих и тех, что были высланы прежде них. Ибо отплывать домой разрешается отслужившим божеству тридцать лет. Однако большинство из них обыкновенно предпочитают поселяться там, одни по привычке, другие потому, что у них там всего в изобилии без труда и хлопот, а они постоянно проводят время за жертвоприношениями, или за какими-либо рассуждениями и философией. Ведь природа острова и мягкость окружающего воздуха удивительны. Некоторых, задумавших отплыть, задерживает божество, являющееся им, как людям знакомым и близким, не только в сновидениях и знаменьях — многие наяву встречают видения и слышат голоса демонов [δαμόνων]. Сам Кронос спит, заточенный в глубокой пещере из златовидного камня, ибо Зевс вместо оков послал ему сон. Птицы, перелетающие через вершину скалы, приносят ему амвросию, и остров весь наполнен благоуханием, распространяющимся от камня, как бы от источника. Упомянутые демоны окружают Кроноса и служат ему, став его помощниками, еще когда он царствовал над богами и людьми. Обладая даром провидения, они многое сообщают и от себя, но наиболее важное и о наиболее важном они возвещают, как о сновидениях Кроноса. Ибо все, что только замысливает Зевс, является Кроносу в сновидении. Титанические страсти и движения души делают его напряженным, но сон опять восстанавливает его покой и царственное и божественное становится само по себе чистым и невозмутимым¹⁷². Так, занесенный туда чужестранец¹⁷³ рассказал, что служа божеству, он приобрел на досуге столь большие познания в астрономии [ἀστρολογίας], до каких только может дойти человек, занимающийся геометрией¹⁷⁴; из прочих же областей философии

D

E

F

942

B

он, сколь возможно, занимался естествознанием [*φυσικῶν*]. Влеко-
 мый сильным желанием осмотреть Великий остров — ибо так,
 как уже сказано, тамошние жители называют Землю, на которой
 обитаем мы, — он, когда истекли тридцать лет и прибыли из оте-
 чества преемники, простился с друзьями и отплыл, имея большой
 запас путевых средств в виде золотых сосудов и небольшое коли-
 чество остального. Так вот, рассказывать о том, что он испытал и
 С чрез сколько прошел народов, знакомясь со священными письме-
 нами, посвящаемый во все таинства, — как он изложил это нам,
 весьма обстоятельно упоминая о каждом событии, — дело не од-
 ного дня. Но вы послушайте то, что относится к настоящей беседе.
 Долгое время он провел в Карфагене, так как у нас [Кронос]
 весьма [почитается], и нашел некие священные пергаменты, тайно
 вынесенные, когда погибал прежний город, и долгое время сокро-
 венно лежавшие в земле¹⁷⁵. Он сказал, что из видимых богов¹⁷⁶
 должно особенно чтить Луну — и меня убеждал делать это, —
 поскольку она владеет над жизнью и смертью и граничит с
 лугами Аида.

27. Когда же я выразил удивление этому и пожелал полу-
 чить более определенные сведения, чужестранец сказал: «Мно-
 го, Сулла, у эллинов говорится о богах, но не все правильно.
 Так, например, хотя они дают правильные имена Деметре и Ко-
 ре, они неправильно думают, будто оба эти божества пребывают
 совокупно, в одном и том же месте. Ибо Деметра находится на
 Земле и правит земными делами, а Кора помещается на Луне и
 властвует над делами Луны. Она именуется и Корой, и Персе-
 фоной. “Персефой” как светоносная, “Корой” потому, что мы
 обозначаем этим словом зрачок глаза, отражающий лицо смот-
 рящего¹⁷⁷, подобно тому, как на Луне отражается свет Солнца. В
 рассказах о странствованиях и взаимных поисках этих богинь¹⁷⁸
 E в виде загадки содержится истина; ведь будучи разлучены, они
 стремятся друг к другу и часто соединяются в тени. И не ложь,
 что Кора бывает то в небе и на свету, то во мраке и ночи; ошиб-
 ка только в исчислении времени. Не по шесть месяцев, а раз в
 шесть месяцев мы видим, что Земля, как мать, объемлет ее те-
 нью, и лишь изредка это случается с ней раз в пять месяцев, так
 F как ей нельзя оставить Аид, которому она служит пределом, на
 что прикровенно, но недурно намекнул и Гомер, сказав¹⁷⁹: “в
 Елисейские поля и пределы Земли”. Там, где прекращает рас-
 пространяться тень Земли, он положил конец и предел Земли¹⁸⁰.
 В эти поля не восходит никто злой и неочищенный; а добрые,
 перенесенные туда после кончины, ведут весьма легкую, хотя не

блаженную и не божественную жизнь¹⁸¹, пребывая там до второй смерти».

28. «Что же это за смерть, Сулла»? — «Не спрашивай меня, ибо я и сам намерен рассказать об этом. Большинство людей верно полагают, что человек — существо сложное, но неверно считают, что он составлен только из двух частей. Так, думают, будто ум есть как бы часть души, впадая в ошибку ничуть не меньшую, нежели те, которым душа представляется частью тела. Ибо насколько душа выше тела, настолько ум превосходнее и божественнее души. Смешение души с телом производит неразумное и страстное [начала], а соединение души с умом производит разум. Первое есть начало удовольствия и страдания, второе — добродетели и порока¹⁸². При соединении этих трех частей Земля дала бытие телу, Луна — душе, Солнце дало человеку ум, подобно тому как оно же дало и Луне свет. Что до смерти, которую мы умираем, то одна делает человека из тройного двойным, вторая — из двойного единым¹⁸³. Первая происходит на Земле, которая принадлежит Деметре, откуда вместо “скончаться” [τελευτάν] говорят “посвящать [τελεῖν]¹⁸⁴ жизнь Деметре”, а афиняне в древности называли умерших “деметриными”. Вторая смерть происходит на Луне, которая принадлежит Персефоне. Сожитель первой — Гермес земной, у второй — Гермес небесный¹⁸⁵. Деметра быстро и насильственно разрешает душу и тело; Персефона медленно и в течение длительного времени отделяет ум от души, и оттого называется “единородною”, ибо лучшая часть человека рождается единой, когда та ее отделяет. Каждое из двух отделений происходит, согласно природе, так: всякой душе¹⁸⁶, имеющей ум или лишенной ума, суждено по выходе из тела блуждать в области между Землей и Луной, но не одинаковое время. Неправедные и невоздержные души отбывают наказания за неправды, а праведные должны пребывать некоторое положенное время в наиболее мягкой части воздуха, которую называют “лугами Аида”, сколько нужно для очищения и отвейания — как дурного запаха — связанных с телом скверн¹⁸⁷. Затем, как бы возвращаемые из изгнания в отечество¹⁸⁸, они вкушают такую же радость, как посвящаемые в таинства, испытывающие страх и смущение в соединении с надеждой. Ибо многие, уже достигающие Луны, души та отбрасывает и стряхивает; они¹⁸⁹ видят как некоторые души на Луне разворачиваются, словно погружаясь обратно в глубину. [Души], оказавшиеся наверху и прочно размещенные, во-первых, как победители, расхаживают кругом, украшенные венками из перьев, называемых “перьями стойкости”, потому что они при

943

B

C

D

жизни упорядочили неразумное и страстное начала души и заставили их вполне слушаться разума. Во-вторых, видом они подобны лучу, а природой, которая там наверху легка, как и здесь у нас, подобны эфиру вокруг Луны¹⁹⁰. От него они приобретают напряженность [τόνον] и силу¹⁹¹, как острые орудия обретают закалку.

Е Ибо то, что дотоле было в них еще рыхлым и размытым, укрепляется и становится твердым и прозрачным. Впоследствии они питаются любим испарением, и Гераклит верно выразился, что “души в Аиде обоняют”¹⁹².

29. Прежде всего они обозревают саму Луну: ее величину, красоту и природу, которая не простая и несмешанная, но есть как бы смесь звездного и земного. Ибо, как Земля стала мягкой, смешавшись с ветром и влагой, и как кровь вызывает чувственное восприятие в плоти, с которой смешивается¹⁹³, так, говорят, Луна, проникнутая во всю толщину эфиром, есть, с одной стороны, существо одушевленное и плодоносное, а с другой — отличается соразмерностью взаимно уравновешивающих друг друга легкости и тяжести. Ибо так и сам мир, говорят — поскольку составлен из веществ, несущихся по природе вверх, и тех, что несутся вниз¹⁹⁴, — совсем непричастен движению в пространстве [τόπον]. До этого в силу какого-то божественного размышления дошел и Ксенократ, отправляясь от Платона. Ведь это Платон заявил, что каждая звезда составлена из земли и огня, пропорционально сочетающимся через посредство [двух] промежуточных природ. Ибо ничто не бывает доступно ощущению, если не содержит примеси земли и света¹⁹⁵. Но Ксенократ утверждает, что звезды и Солнце составлены из огня и первичной плотности, Луна — из вторичной плотности и ее собственного воздуха, Земля — из воды и [воздуха], и третьей плотности. Вообще же ни плотность сама по себе, ни рыхлость не способны принимать в себя душу. Вот что касается сущности Луны. А что до ее ширины и величины, она не такова, как говорят геометры, но во много раз больше. Земную тень она вымеряет несколькими своими величинами не по причине малого размера, но поскольку она более пылко ускоряет движение, чтобы быстро пройти темное место и вынести души праведных, которые торопят ее воплями. Ведь, очутившись в тени, они уже не слышат гармонии небесных сфер¹⁹⁶. Одновременно снизу через тень приближаются сетующие и кричащие души наказуемых. Поэтому очень многие люди держатся обычая стучать во времена затмений в медные сосуды и производить шум и гром против этих душ¹⁹⁷, которых, когда они приближаются к Луне, кроме того

944

В

отпугивает ее так называемое лицо, представляющееся им страшным и ужасным¹⁹⁸. В действительности же это не так. Но подобно тому, как и у нас на Земле есть глубокие и обширные заливы, из коих один вдается через столпы Геракла сюда внутрь, а вне — расположены заливы Каспийского и Красного морей¹⁹⁹, так и на Луне есть углубления и выемки. Наибольшую из них называют “провалом [μυχός] Гекаты”²⁰⁰. Там наказуемые души требуют и получают воздаяние за то, что они претерпели или совершили, ставши уже демонами²⁰¹. А два длинных [углубления], называются Вратами, ибо через них души переправляются то на сторону Луны, обращенную к небу, то опять на сторону, обращенную к Земле²⁰². Обращенная к небу сторона Луны называется “Елисейскими полями”, а обращенная сюда — “противо-земной Персефоной”.

C

30. Однако демоны не вечно пребывают на Луне. Они нисходят и сюда для заведывания оракулами, соприсутствуют и соучаствуют в высочайших таинствах, являются карателями неправд и блостителями правды, охранителями в войнах и светочами в море. Если в этих действиях они действуют несправедливо — из-за гнева, за несправедное приношение, или из зависти — то несут наказания: низвергаются снова на Землю, заключаемые в человеческие тела. К тем, лучшим демонам принадлежат по собственному их заявлению те, что окружают Кроноса, а ранее принадлежали: на Крите — идейские дактили²⁰³, во Фригии корибанты, в Удоре беотийские трофониады и тысячи других в разных частях обитаемой Земли, чьи священные обряды, культ и имена сохраняются и доселе, но сила которых находится в другом месте, так как они получили лучшую долю. Этого достигают одни раньше, другие позже, когда ум отрешится от души; отрешается же он вследствие любви [ἔρωτι] к образу [εἰκόνας] на Солнце, через который просвечивает желанное, прекрасное и божественное, к ко- ему стремится всякая природа²⁰⁴, одна одним, другая другим путем. Ведь и Луна из любви к Солнцу совершает круги и стремится соединиться с ним, дабы приобрести от него наиболее производительную силу. Природа души остается на Луне, сохраняя как бы некие следы и сновидения жизни, и именно это ты должен считать правильным в высказывании: “душа, как сон вспорхнула и отлетела”²⁰⁵, ибо она приходит в такое состояние не сразу и не вслед за разлучением с телом, но лишь впоследствии, когда отделившись от ума, остается покинутой и одинокой. И Гомер изо всего, что говорил, под особенным, по-видимому, наитием божества сказал об Аиде:

D

E

F

после я видел силу Геракла —
 призрак [εἶδωλον], а сам он находится среди бессмертных богов²⁰⁶.

945 В Ведь и каждый из нас сам [αὐτός] не есть ни гнев, ни страх, ни желание, равно как и не плоть или влага, но то, чем мы рас-
 суждаем и разумеем²⁰⁷; и душа получает свой образ [τυπουμένη] от ума и дает образ телу, обнимая его со всех сторон, впечатле-
 вая на нем свой вид [εἶδος] так, что сколь бы долго ни оставалась она без того и другого, она сохраняет, однако, подобие и образ [τὴν ὁμοίωτῆτα καὶ τὸν τύπον] и правильно называется “изобра-
 жением” [εἶδωλον]²⁰⁸. Стихия этих душ, как сказано, есть Луна; ведь они разрешаются в нее²⁰⁹, как тела — в землю. Это происхо-
 дит быстро с благоразумными душами, возлюбившими жизнь досуга, вне деятельности, философскую. Ибо будучи оставлены умом и не прибегая к страстям ни для чего, они угасают. Напро-
 тив из душ честолюбивых, деятельных, любящих то, что связано с телом, и гневливых одни проводят время в воспоминаниях о жи-
 зни, как бы в сновидениях, как например, душа Эндимиона²¹⁰. Когда же неустойчивость и несдержанность сталкивают и увлекают их от Луны к другому рождению, то она запрещает им скло-
 няться к Земле, призывает обратно и привораживает. Ибо это дело не малое, беспокойное и не гармонизирующее, когда они без ума, под властью страстного начала получают тело. К таким душам относились Титии, Тифоны и тот Тифон, что захватил Дельфы, бесчинством и насилием расстроив прорицалище²¹¹: они были покинуты разумом, сбиваемы с толку слепым высокомерием и страстью. Но даже их со временем Луна приняла в себя и призва-
 ла к порядку. Затем когда Солнце опять бросит семена ума, то Луна, встречая их жизненной силой, создает новые души, а Земля в свою очередь предоставляет им тело. Ибо Земля не дает ничего и лишь возвращает после смерти то, что получила для рождения. А Солнце не получает ничего, но отданный ум забирает назад. Что до Луны, то она и получает, и дает, слагает и разлагает благо-
 даря той или другой своей силе, из которых та, что слагает, назы-
 вается Эйлейфеей, а та, что разлагает — Артемидой²¹². Равно и из трех мойр: Атропос, помещенная на Солнце, дает начало рожде-
 нию; Клото, носящаяся на Луне, соединяет и связывает; а последняя, Лахесис, относится к Земле, имея наибольшее значение для участи [τύχης] человека²¹³. Ибо бездушное само бессильно и претерпевает от других, а ум бесстрастен и самодержавен; но смешанное и среднее есть душа, как и Луна, созданная божеством
 D чрез смешение и соединение высшего и низшего, состоящая к

Солнцу в таком отношении, в каком к ней самой находится Земля. Вот что, — заключил Сулла, — слышал я из рассказа чужестранца, а ему сообщили это, по его словам, спальники и служители Кроноса. А ты и твои товарищи, Ламприй, можете принять этот рассказ, как вы рассудите».

(Перевод Г. А. Иванова)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ламприй. Ср.: 937D, 940F, 945D, *infra*.

² Эмпедокл из Акраганга (ок. 495–435 гг. до н. э.).

³ Ср.: Лукиан, *Икароменипп или заоблачный полет* 20: Луна — «не что иное, как зеркало, подвешенное над морем» (пер. С. Лукьянова).

⁴ (*) Аэтий, *De placitis philosophorum* 3, 53: «Мы видим или по прямым линиям, или по преломленным (например, часть весла в воде), или по линиям, отражаемым (в зеркалах), недоступным чувству, постижимым умом и невещественным».

⁵ (*) *Idem.* 3. 2. 2: кометы некоторыми объяснялись, как «отражение нашего зрения к Солнцу подобно изображениям в зеркалах».

⁶ О том, что радуга видна вследствие отражения Солнца в облаке см. *Об Исиде и Осирисе* 20 (358F): «радуга — это отражение Солнца, расцветченное преломлением взгляда в облаке» (пер. Н. Н. Трухиной); *De placitis* 894CF, где сказано о том, что эта теория была изложена Анаксагором. См. *О природе*, фр. 19: «Радугой мы называем отсвет Солнца в облаках. Она примета бури, так как вода, которой обрызгано облако, вызывает ветер или изливает дождь» (пер. А. В. Лебедева, *Фрагменты ранних греческих философов* I, с. 534, далее *Фрагм.*).

⁷ (*) *De placitis* 3, 5, 3, 6: «Должно знать, что испарение влаги преобразуется в облако, которое затем мало-помалу разрешается на мелкие капли».

⁸ (*) *Idem.* 4, 13, 3: «Гиппарх говорит, что лучи, исходящие из обоих глаз, охватывают оконечностями своими, как руками, предметы, находящиеся вне глаза».

⁹ Ср.: Страбон, *География* I, 1, 8 (C5): «...открытое море, от слияния образующее одно целое» (пер. Г. А. Стратановского).

¹⁰ Имеется ввиду теория Гиппарха о движении Луны.

¹¹ Гиппарх был математиком, а не физиком (*φυσικός*).

¹² См. Платон, *Тимей* 45bc: «...внутри нас обитает особенно чистый огонь, родственный свету дня, его-то они [боги] заставили ровным и плотным потоком изливаться через глаза... когда полуденный свет обволакивает это зрительное

истечение и подобное устремляется к подобному, они сливаются, образуя единое и однородное тело в прямом направлении от глаза» (пер. С. С. Аверинцева). Ср.: *De placitis* 901вс.

¹³ По стоической доктрине Луна является смесью воздуха и огня. Ср.: *De placitis* 891в и 892в. Согласно стоикам, *πῦρ τεχνικόν* — тлеющий, слабый огонь — отличается от разрушительного огня. Объяснение стоиков относительно лика на Луне, см. Филон Александрийский, *De somniis* I, 145.

¹⁴ Ср.: 929в и 929г. Этот товарищ или собеседник, по-видимому, главное действующее лицо ранней дискуссии (см. вступительную статью).

¹⁵ См. *Застольные беседы* 658г–659а.

¹⁶ Ср.: 938в. В трактате *Об Исиде и Осирисе* 9 (354с) Исиды, названная Лунной (раздел 20 (372д), отождествляется с Афиной (ср.: раздел 62 (376а)).

¹⁷ Ср.: *О первичном холоде* 15 (951д), 16 (952в), 18–19 (953д–954в), но мнение стоиков, что «сгущение» (*πῆξις*) есть процесс проникновения воздуха в воду представлено в разделе 11 (949в), см. выше: Плутарх, *О первичном холоде*, с. 108–117.

¹⁸ Ср.: Аристотель, *О небе* 289а19–32: «...движение раскаляет даже дерево, камни и железо, с еще большим основанием [оно должно раскалять вещество] более близкое к огню, каковым является воздух.; что касается верхних [тел], то из них каждое движется внутри сферы, и поэтому сами они не раскаляются, а вот воздух, находящийся под сферой круговращающегося тела, вследствие ее движения должен нагреваться» (пер. А. В. Лебедева); *Метеорология* 341а17–19: «...движение может разрезать и воспламенять воздух» (пер. Н. В. Брагинской).

¹⁹ Ср.: *О первичном холоде* 17 (952г), с. 115. См. Аристотель, *О душе* 418б9: «Свет же есть действие прозрачного как прозрачного... Свет есть как бы цвет прозрачного [тела], когда оно становится действительно прозрачным от огня или чего-то подобного, вроде тела, находящегося наверху, ибо ему присуще то же самое, что огню» (пер. П. С. Попова), а также *ibid.*, *De sensu* 446б27–447а10.

²⁰ (*~~κ~~) Математик и астроном родом с острова Самоса (320–250 до н. э.). Сохранилось его сочинение *О величине и расстоянии Солнца и Луны*. Название *К Аристарху* появляется в перечне произведений Клеанфа у Диогена Лаэртского VII, 174.

²¹ О теории Аристарха см. *De placitis* 891а.

²² Некоторые из академиков утверждали, что Луна — земное тело.

²³ С этим утверждением не соглашалось большинство стоиков, которые считали, что Луна больше Земли. В их числе был Посидоний. Ср.: Азий II, 26, 1.

²⁴ См. *De animae procreatione in Timaeo* 1028в, где Плутарх описывает геометров, представивших приблизительное соотношение диаметров Земли, Луны и Солнца, что (не очень точно) соответствует цифрам Гиппарха — диаметр Земли : диаметр Луны : диаметр Солнца = 1 : 1/3 : 12 1/3.

²⁵ Эсхил, *Прометей прикованный* 349–350.

²⁶ Пиндар, fr. 88 (ВЕРГК).

²⁷ Жители Тапробаны, скорее всего Цейлона. См. Страбон, *География* II, 1, 14 (С72); XV, 1, 14 (С690); также см. Плиний, *Naturalis historia* VI, 22 (24).

²⁸ Ср.: Аристотель, *О небе* 284a24–26: «[согласно Эмпедоклу] в результате вращения Небо приобретает более быстрое движение, чем его собственное устремление вниз под действием тяжести» (пер. А. В. ЛЕБЕДЕВА); *ibid.*, 295a16–21: «[по Эмпедоклу] вращательное движение Неба быстрее движения Земли и потому препятствует ее падению» (пер. А. В. ЛЕБЕДЕВА). Сам Плутарх в *Сравнительных жизнеописаниях* (Лисандр XII) приписывает Анаксагору замечание о том, что «небесные тела удерживаются в вышине, увлекаемые огромною силой вихревого круговорота» (пер. М. Е. СЕРГЕЕНКО).

²⁹ Здесь Луций придерживается стоической теории.

³⁰ Ср.: Аристотель, *О небе* 294a19–21.

³¹ Утверждение о шарообразности Земли из-за ее нахождения в самом низу и в центре Вселенной, принадлежит перипатетикам и стоикам. Ср.: Аристотель, *О небе* 297a8–b23; Страбон, *География* I, 1, 20 (С11).

³² Ср.: Аристотель, *О небе* 296b18–21 и 297b17–21. Ламприй доказывает, что люди стоящие прямо на шарообразной Земле, не могут быть параллельны друг другу.

³³ Ср.: Лукреций, *О природе вещей* VI, 536–550. Представления самого Плутарха о том, что происходит под Землей, схожи с платоновскими (см. *Федон* 111d ff).

³⁴ Ср.: Платон, *Федон* 111e–112e и критику Платона Аристотелем в *Метеорологии* 355b32–356a19.

³⁵ Ср.: Аристотель, *О небе* 285a27–b5.

³⁶ Ср.: Аристотель, *О небе* 312b24.

³⁷ *Idem.*, 296b9–25. Стоики различали космос как ὅλον (целое) и τὸ πᾶν (все).

³⁸ Ср.: 925B; 920F; 921D.

³⁹ (*) Венера и Меркурий.

⁴⁰ Не представляется возможным дать точный эквивалент стадия (στάδιος), поскольку неизвестно, какой из стадиев имеется в виду. Например, олимпийский стадий = 185 метрам, аттический стадий = 177,6 м. Эратосфен использовал стадий, равный 157,5 метра, а Птоломей — 210 метрам.

⁴¹ Ср.: Аристотель, *Физика* 217a2–3; *ibid.*, *О небе* 311b 9–13.

⁴² Согласно Проклу (*In Parm.*, p. 849, 13–15, COUSIN), эмпедоклов Раздор связан с мифической войной гигантов.

⁴³ Эмпедокл В27 (*Фрагм.*, с. 351).

⁴⁴ Ср.: Эмпедокл В17, 8–10 и В26, 6–9 (*Фрагм.*, с. 344 и 349).

⁴⁵ *Тимей* 53b. Ср.: *De defectu oraculorum* 430D; *De animae procreatione in Timaeo* 1016F.

⁴⁶ Ср.: Плутарх, *Amatorius* 756B, где цитируются Эмпедокл В17, 20–21 (*Фрагм.* с. 344), Парменид В13 (*Фрагм.*, с. 293) и есть ссылка на *Теогонию* 120 Гесиода. Также ср.: Аристотель, *Метафизика* 984b23–985a10.

⁴⁷ См. *Застольные беседы* 720вс. Этот термин скорее платоников, чем стоиков. Ср.: *Тимей* 28с.

⁴⁸ Ср.: Аристотель, *Метафизика* 1075a11–15; Диоген Лаэртский VII, 137.

⁴⁹ Ср.: *Тимей* 41b4–6.

⁵⁰ Венера.

⁵¹ Стойки считали, что небесные тела состоят из огня, который, хотя и называется у них *αἰθήρ*, не является «пятым элементом», как у Аристотеля (ср.: Диоген Лаэртский VII, 137).

⁵² Эмпедокл В76, 9–11. Эти строки также процитированы в *Застольных беседах* 618в.

⁵³ Ср.: *Застольные беседы* 625ав; 680d; 681е.

⁵⁴ Ср.: Аристотель, *О небе* 277b1–2.

⁵⁵ Согласно *De placitis* 889в, Метродор полагал, что Солнце должно быть выше Земли, Луна — ниже, еще ниже должны быть другие планеты и звезды.

⁵⁶ То есть селезенка. Ср.: Аристотель, *О частях животных* 670a20–29; 670b4–17; 673b25–28.

⁵⁷ Ср.: Платон, *Тимей* 48а.

⁵⁸ *SVF* II, fr. 668; ср.: Клеомед II, 3.99 (ZIEGLER). О стоическом «эфире», который есть род огня, см. Диоген Лаэртский VII, 137 (= *SVF* II, fr. 580). См. выше 922в, а также *О первичном холоде* 15 (951сd), с. 112. У Аристотеля эфир это «пятая сущность», не участвующая в процессе взаимопревращений четырех первоэлементов.

⁵⁹ Аристотель, *О небе* 269a2–18; 270a12–35.

⁶⁰ (*)Ион Хиосский (ок. 490–422 г. г.), трагик и элегический поэт.

⁶¹ В *Застольных беседах* 658с Плутарх полностью цитирует эти строки.

⁶² Ср.: 935с.

⁶³ *De placitis* 891f.

⁶⁴ Этого придерживался Аристотель, *Метеорология* III, 3–5, и, возможно, Платон, *Тимей* 46b. Ср. также: Лукреций, *О природе вещей* IV, 322–323.

⁶⁵ Плутарх имеет в виду диалог *Тимей* 46bc, где, однако, Платон описывает вогнутые зеркала, а не двусторчатые.

⁶⁶ То есть положение на том, что угол отражения всегда равен углу падения.

⁶⁷ Скорее всего, Плутарх имеет в виду эффекты преломления.

⁶⁸ Объяснение природы половинчатой, выпуклой и серповидной Луны представляю трудности для самих стоиков. Лучший удивлен, что они прибегают к таким явлениям, чтобы опровергнуть теорию о том, что Луна светит отраженным светом.

⁶⁹ Ср.: *De communibus notitiis* 1078de.

⁷⁰ Весьма вероятно, что описанные события имели место в Риме, или неподалеку от него, в 75 г. н. э. или несколько позже. Это допущение наиболее убедительно. Подробнее см. Н. CHERNISS, «Introduction», *Plutarch's Moralia*, vol. XII, (L.: Cambridge, MA, 1984) p. 8–13. Имеются и другие теории, например, такие,

что события происходили в Хиронее, Дельфах или на берегах Египта. Но они ничем не подтверждены.

⁷¹ Мимнерм упомянут псевдо-Плутархом в *De musica* 8 (1133F).

⁷² Кидий — мелический поэт. Ср.: Платон, *Хармид* 155d, где Кидий назван мудрейшим поэтом.

⁷³ Ср.: Архилох 74 (*Antologia Lirica Graeca*, ДИЕНЛ).

⁷⁴ Ср.: Плиний, *Naturalis historia* II, 12, 54.

⁷⁵ Пиндар, *Пеаны* IX, 2–3.

⁷⁶ Возможно, Стесихор. Ср.: *Poetae Lirici Graecae* III, 73 (BERGK).

⁷⁷ Пиндар, *Пеаны* IX, 5.

⁷⁸ (*) По-видимому, из *Одиссеи* XX, 351–352, хотя там речь не о затмении.

⁷⁹ (*) *Одиссея* XX, 356–357.

⁸⁰ (*) *Одиссея* XIV, 162 и XIX, 307. В обоих случаях вне связи с затмением.

⁸¹ Ср.: *О первичном холоде* 17 (953A), с. 115, где Плутарх следует Эмпедоклу. Аристотель ссылается на это же определение в *Топике* 146b28 и *Метеорологии* 345b7–8.

⁸² Ср.: строки Эмпедокла, процитированные в 929сд. См. *De placitis* 890f.

⁸³ Источник неизвестен.

⁸⁴ Ср.: Анаксагор А42 (8): «Солнце по величине превосходит Пелопоннес» (пер. А. В. ЛЕБЕДЕВА).

⁸⁵ Аристарх, *О размерах и расстояниях между Солнцем и Луной* 17. Хотя Плутарх не говорит, что это противоречит стоической доктрине, ортодоксальные стоики придерживались мнения о том, что Луна, так же как и Солнце, больше Земли. Ср.: *De placitis* 891с; Плиний, *Naturalis historia* II, 11 [8], 49.

⁸⁶ Аристотель, fr. 210 (ROSE). Но это утверждение не из трактата *О небе* 293b20–25, поскольку в этом отрывке Аристотель представляет не собственное мнение, а мнение кого-то из пифагорейцев.

⁸⁷ Посидоний считает Луну звездой. Ср.: Арий Дидим, *Epitome* 32.

⁸⁸ Доказательство того, что Луна — землиста, приводится в начале раздела 19 (931d).

⁸⁹ Ср.: Аристотель, *О небе* 297b23–30.

⁹⁰ То есть пересекающиеся линии всегда являются дугами круга.

⁹¹ Ср.: Плутарх, *De communibus notitiis* 1080в.

⁹² Плутарх подразумевает, что Луна делает осознанное усилие ускорить свое движение, когда находится ближе к Земле. Ниже в 944а он утверждает, что Луна увеличивает скорость, чтобы избежать тени Земли.

⁹³ Ср.: Аристотель, *О небе* 305a9–13.

⁹⁴ Слово «эфир» здесь в том же стоическом значении, как и в 922в и 928сд.

⁹⁵ Ср.: Птолемей, *Альмагест* VI, 6, 485–486: «затмения Солнца и Луны могут происходить через шесть месяцев»... «возможно лунное затмение через промежуток времени в пять месяцев» (пер. И. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО).

⁹⁶ Ср.: Плиний, *Naturalis historia* II, 9, 42.

⁹⁷ Для стоек это следует из представления о небе как эфирном и огненном. Ср.: *Фрагменты ранних стоиков* I, 115–116 (М.: Греко-латинский кабинет, 1998).

⁹⁸ (*)*Илиада* IX, 212–213.

⁹⁹ Слово «уголь» (*ἄνθραξ*) может означать все степени горения угля от самого раскаленного состояния до тлеющего пепла. То, что для горения огня необходимо твердое вещество, часто использовалось в качестве аргумента против стоического «мирового пожара». Ср.: Филон, *De aeternitate mundi* 86–88.

¹⁰⁰ Ср.: Плутарх, *Эмлий Павел* 17, *Никий* 23. Астрологи приписывали специальное значение различным цветам Луны во время полного затмения.

¹⁰¹ Похожее, но более подробное описание представлено в трактате *О гении Сократа* 590с, где звезды — это острова, движущиеся в небесном море. Также *De sera tuminis vindicta* 563εφ.

¹⁰² *Илиада* XI, 298.

¹⁰³ *Илиада* I, 350.

¹⁰⁴ *Илиада* I, 481–482.

¹⁰⁵ *Илиада* XVI, 34.

¹⁰⁶ *Одиссея* X, 94.

¹⁰⁷ Платон, *Федон* 110b и далее.

¹⁰⁸ Ср.: Платон, *Федон* 110с–111с.

¹⁻⁹ См. 928D и 933D.

¹¹⁰ «Прерывистое отражение» (*καὶ διεσπασμένην*). Ср.: 921с и *Застольные беседы* 696ас.

¹¹¹ (*)Здесь стадий = 184,97 м.

¹¹² Утверждая это, Аполлонид преувеличивает. 500 стадиев = 1/20, а не 1/24 от 10000. Однако он предусмотрительно говорит, что в диаметре каждое из пятен *больше* полупальца, и, следовательно, по этой причине *больше* 1/24 диаметра Луны. Его оценка величины диаметра Луны ошибочна: «только 30000 стадиев». Клеомед (SVF, II, 1, 80–81) дает для диаметра Луны 40000 стадиев, основываясь на том, что Земля в два раза больше Луны и ее окружность 250000 стадиев, согласно вычислениям Эратосфена (а ее диаметр 80000 стадиев). Плутарх допускал такой диаметр Земли (см. 925D), но допускал и то, что окружность Земли может быть в три раза больше окружности Луны (ср.: 923в и прим. к этому месту), что дало бы более 26000 стадиев для диаметра Луны. Посидоний, должно быть, считал лунный диаметр равным 12000 стадиев, что давало бы 36000 стадиев для окружности Луны. Таким образом, наименьшая оценка диаметра Луны Аполлонидом должна быть основана на этих цифрах Посидония.

¹¹³ Сыновья Алоэя и Ифимедеи, известные братья великаны — От и Эфиальт. В возрасте девяти лет они пытались взобраться на небо, задумав взгромоздить на Олимп горы Оссу и Пелион, за что были убиты Аполлоном. Ср.: *De exilio* 602в; *Илиада* V, 385–387; *Одиссея* XI, 305–320; Аполлодор, *Мифологическая библиотека* I, 7, 4.

¹¹⁴ Эта строка из неизвестной трагедии Софокла цитировалась очень часто. Что касается тени Афона, покрывающей Лемнос, ср.: Плиний, *Naturalis historia* IV, 12 (23), 73.

¹¹⁵ Прокл, in *Timaeum* 56b [Диенл.] говорит, что это расстояние от Лемноса до Афона; Плутарх — что это длина тени, отбрасываемой горой. Согласно Евстатию (*Ad Iliadem* 980, 45ff), Афон отстоит от Лемноса на 300 стадиев, согласно Плинию — на 87 римских миль (если только это не ошибка переписчика). На самом деле расстояние между ними — около 50 миль, а Афон, который на 6350 футов выше уровня моря, может отбрасывать в море тень на 100 миль.

¹¹⁶ Здесь Плутарх или ошибается, или намеренно приводит неверное утверждение.

¹¹⁷ Ср.: Эврипид, *Медей* 410; Лукиан, *Разговоры в царстве мертвых* 6, 2.

¹¹⁸ То есть те, которые придерживаются тех же взглядов о природе Луны, что и Ламприй.

¹¹⁹ Ср.: *Застольные беседы* 696А. Также 930D и 937А.

¹²⁰ Ср.: [Эвклид], *Сатоптрика* 30 (*Opera Omnia* VII).

¹²¹ Ср.: Аристотель, *Метафизика* 375a30–b15.

¹²² (*)В ныне утраченном начале беседы. Ср.: 921A ff; 929AB ff.

¹²³ Это единственное указание на место действия описанных событий. До настоящего времени все участники прогуливались и лишь сейчас присели на ступени (*ἐπὶ τῶν βῆθρων*), оставаясь сидеть до самого конца беседы.

¹²⁴ В *De placitis* 892A это замечание приписывается пифагорейцам; Диоген Лаэртский относил его к Анаксагору (*О жизни философов* II, 8).

¹²⁵ (*)*Гимей* 40bc.

¹²⁶ Ср.: Пиндар, *Олимпийские песни* I, 57–58; *Истмийские песни* VIII, 9–10.

¹²⁷ Об Иксионе, см. Пиндар, *Пифийские песни* II, 21–48; Аристотель, *О небе* 284a34–35.

¹²⁸ «Трехдорожной» именовали Гекату, которая отождествлялась с Луной.

¹²⁹ Ср.: Эпименид В2; Анаксагор А77 (*Фрагм.*, с. 77 и 523–524)

¹³⁰ Эсхил, *Просительницы* 937.

¹³¹ То есть эфиопы. Ср.: Геродот IV, 183; Страбон, *География* II, 5, 36 (С133).

¹³² Ср.: Аристотель, *Метеорология* 340b36–341a4; 347a29–35.

¹³³ Ср.: 939E.

¹³⁴ *Илиада* XIX, 340–356.

¹³⁵ См. 922A.

¹³⁶ Ферекид из Сироа.

¹³⁷ Мегасфен, fr. 34 (*Fragmenta Historica Graeca* II). Ср.: Страбон, *География* II, 1, 9 (С70); XV, 1, 57 (С711); Плиний, *Naturalis historia* VII, 2, 25, также см. Лукиан, *Правдивая история* I, 23 — пассаж, возможно пародирующий *Историю* Геродота I, 202, 2.

¹³⁸ О необитаемости арктической и жаркой зон, см. Страбон, *География* II, 3 (С96). Первая строка двуступища взята из *Илиады* XIV, 246, вторая, возможно, принадлежит самому Кратегу.

¹³⁹ Феофраст, *De ventis* II, 11; Аристотель, *Метеорологика* 364a5–13.

¹⁴⁰ Ср.: *Тимей* 40bc, ср.: 937e.

¹⁴¹ Ср.: 928c.

¹⁴² Ср.: 922a. Также ср.: Платон, *Тезет* 149b.

¹⁴³ См. Платон, *Тимей* 40cd; *Законы* 822ac и Аристотель, *Метафизика* 1073b38–1074a14; *О небе* 289b30–290a7.

¹⁴⁴ Возможно, Плутарх имеет в виду теорию эпициклов, которую Гиппарх предлагал для Луны и которая была описана Птолемеем, *Альмагест* IV.

¹⁴⁵ Ср.: Аристотель, *Метеорологика* 341b6–25. Материал этой главы основан на стоических теориях.

¹⁴⁶ Ламприй обращается, в основном, к Феону, но Менелай тоже был из Египта.

¹⁴⁷ Об этих морских растениях см. Феофраст, *Historia plantarum* IV, 7, 1 ff; Плиний, *Naturalis historia* XIII, 25, 50–52 (140–142).

¹⁴⁸ Анакамперот — досл. «возвращающий любовь» — приворотная трава. Ср.: Плиний, *Naturalis historia* XXIV, 17, 102 (167).

¹⁴⁹ Ср.: Феофраст, *Historia plantarum* VIII, 1, 1i 4; 2, 6; 3, 2.

¹⁵⁰ (*)*τὸ θύμον*, по одним тимьян, вроде «*thymus serpillum*», по другим род дикого чеснока, «*allium sera*».

¹⁵¹ Ср.: Феофраст, *De causis plantarum* III, 1, 3–6.

¹⁵² Возможно, Феофраст, *De causis plantarum* IV, 18, 10; о том, что они не выносят росы, а от поливки гибнут — IV, 3, 7 и VIII, 6, 6.

¹⁵³ Ср. *Застольные беседы* III, 10 (657F); *Об Исиде и Осирисе* 367D; Цицерон, *О природе богов* II, 19, 50; Плиний, *Naturalis historia* II, 101 (233).

¹⁵⁴ Цицерон, *О провидении* II, 34.

¹⁵⁵ Ср.: Вергилий, *Георгики* III, 337.

¹⁵⁶ Ср.: Аристотель, *История животных* 588b4 и *De partibus animalium* 681a12–15.

¹⁵⁷ Ср.: Порфирий, *Жизнь Пифагора* 34, где речь идет о средстве от голода, составленного «из макового семени, сезама, оболочки морского лука, отмытого до того, что он сам очищал все вокруг, из цветов асфоделя, листьев мальвы, ячменя и гороха, нарубленных равными долями и разведенных в гиметтском меду» (пер. М. Л. ГАСПАРОВА).

¹⁵⁸ Гесиод, *Труды и дни* 41.

¹⁵⁹ (*)*Гомер, Илиада* XX, 65.

¹⁶⁰ Гомер, *Илиада* VIII, 15–16. Хотя цитируется строка из Гомера, Плутарх имеет в виду повествование Гесиода (*Теогония* 717 ff), от которого зависит дальнейшее изложение.

¹⁶¹ (*)*Гомер, Одиссея* VII, 244.

¹⁶² При чтении этого места интересно обратить внимание на возможную связь изложения Плутарха (941А–942В) с платоновским *Тимеем* (24е–25а). Возможно, миф у Плутарха является имитацией рассказа об Атлантиде Платона. Так, оба описывают большой материк на Западе и три острова. У Платона (*Тимей* 24е) человек, плывущий на запад из Европы, сначала попадает на Атлангиду, затем на другие острова, и в конце концов, на противоположащий (западный) континент; у Плутарха (941АВ) сначала Огигия, лежащая в пяти днях на Запад от Британии, затем три острова, далее материк. Однако в рассказе Плутарха имеются и отличия. Так, с одной стороны, очевидно, что остров Огигия, упомянутый в начале истории (941А), не играет никакой роли, поскольку сказано, что Кронос заключен на одном из трех островов, которые лежат дальше Огигии, на западе. С другой стороны, сказано, что сперва попадают на удаленные острова, которые естественно отождествляются с тремя вышеназванными островами, и затем на остров Кроноса. Тогда Огигия находится после трех островов и является тем самым островом, на котором заключен Кронос (941DF). Наилучшим объяснением представляется то, что Плутарх сам включил Огигию в число трех островов, имитируя схему Платона. Более того: оба автора говорят о западном континенте и о трудной проходимости моря из-за ила и множества течений (941В). Однако причины «трудной проходимости моря» различны. Платон говорит, что море обмелело из-за ила, появившегося в результате погружения острова в пучину (*Тимей* 25d). У Плутарха сказано, что непроходимость моря связана с течениями, которые высыпаются Большой Землей (941В). Как видно, Плутарх позаимствовал у Платона лишь непроходимость моря, но не смог принять платоновское объяснение его непроходимости, поскольку в его рассказе остров Огигия продолжает существовать. См. также прим. 164. 166

¹⁶³ Ср.: Гесиод, *Теогония* 729–735:

Там-то под сумрачной тьмою подземною боги-Титаны
 Были сокрыты решением владыки бессмертных и смертных
 В месте угрюмом и затхлом, у края Земли необъятной.
 Выхода нет им оттуда, — его преградил Посидаон
 Медною дверью: стена же все место вокруг обегает.
 Там обитают и Котт, Бриарей большедушный и Гиес,
 Верные стражи владыки, эгидодержавного Зевса.

(пер. В. В. ВЕРЕСАЕВА)

См. также Аполлодор, *Мифологическая библиотека* I, 2, 1: «Зевс [с союзниками] начал войну с Кроном и титанами... Вооружившись, они одержали победу над титанами и, заключив побежденных в Тартар, поставили над ними в качестве стражников гекатонхейров...» (цит. по изд. В. Г. БУРУХОВИЧА).

¹⁶⁴ Ср.: Платон, *Тимей* 24е–25а.

¹⁶⁵ О большом количестве ила по ту сторону Геракловых столпов сообщает Аристотель, *Метеорология* I, 354a22: «За [Геракловыми] Столпами море мелко из-за ила» (пер. Н. В. БРАГИНСКОЙ).

¹⁶⁶ Ср.: Страбон, *География* I, 4, 2 (С63): «Фулу, которая... отстоит от Британии на 6 дней морского пути и находится вблизи замерзшего моря» (пер. Г. А. СТРАТАНОВСКОГО); Плиний, *Naturalis historia* IV, 16 (104): «в одном дне

морского пути от Фулы находится замерзшее море, называемое некоторыми Кроносовым». Для Аполлония Родосского Кроносовым морем была Адриатика, см. *Аргонавтика* IV, 327: «вышли затем на простор Кронийского моря» (пер. Г. Церетели), и там же 509 и 546. Плутарх отрицает, что море действительно замерзло, и говоря о свойствах моря, следует платоновскому *Тимею* 25d: «...Атлантида исчезла, погрузившись в пучину. После этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров» (пер. С. С. Аверинцева) и *Критику* 108e–109a: «... ныне же он [остров Атлантида] провалился вследствие землетрясений и превратился в непроходимый ил, угрожающий путь мореходам... и делающий плавание немислимым» (пер. С. С. Аверинцева). Но поскольку его остров не погружался под воду, он объясняет его илистость действием течений. Ср.: Страбон, *География* I, 2, 29 (С36); Геродот, *История* II, 10; Аристотель *Метеорология* 351b29–31.

¹⁶⁷ Азовское море, размер которого сильно преувеличен Геродотом в *Истории* IV, 86. Страбон дает его периметр в *Географии* II, 5, 23 (С125): «К северу от восточного залива расположено озеро Меотида, имеющее в окружности 9000 стадиев или даже немного больше» (пер. Г. А. СТРАТАНОВСКОГО).

¹⁶⁸ Каспийское море, как полагали до Птолемея, исправившего эту ошибку, было заливом внешнего океана. См. Страбон, *География* XI, 6, 1 (С507): «Каспийское море представляет собой залив, простирающийся от [Северного] океана к югу» (пер. Г. А. СТРАТАНОВСКОГО). Однако, ср.: Геродот, *История* I, 202–203: «Каспийское же море — это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем...» (пер. Г. А. СТРАТАНОВСКОГО); Аристотель, *Метеорология* 354a1–4: «...многие моря с другими нигде не соединяются. Так, Красное море, как известно, только узким проходом сообщается с морем за Столпами, а ... Каспийское вообще отделено от него...» (пер. И. В. Брагинской).

¹⁶⁹ *Φαίνων* — имя планеты Сатурн.

¹⁷⁰ Причиной того, что экспедиция начинается в то время, когда Сатурн входит в созвездие Тельца, является то, что в Тельце находится восхождение, экзальтация (*ὑψωμα*) Луны. Ср.: Птолемей, *Тетрабиблос* I, 19: «Так как Луна... начинает увеличивать ... свою высоту в первом знаке лунного треугольника — Тельце, он и был назван ее экзальтацией» (пер. Ю. А. Данилова); Порфирий, *О пещере нимф* 18: «[Луна] также называется Быком, поскольку в своем высшем положении находится в созвездии Тельца» (пер. А. А. Тахо-Годи) — (*ὑψωμα σελήνης ὁ ταῦρος*). Ср.: Цицерон, *О природе богов* II, 20, 52: «та [планета], которую называют звездой Сатурна, а греки — *Φαίνων*, самая далекая от Земли, совершает свой путь приблизительно за тридцать лет» (пер. М. И. Рижского).

¹⁷¹ Ср.: Плиний, *Naturalis historia* IV, 16 (104), где сказано, что в Фуле во время солнцестояния нет ночи вообще.

¹⁷² Ср.: Платон, *Кратил* 396b: слово *κόρος*, [слышащееся в имени «Кронос»], означает не «отрок», но нетронутую чистоту (*καθαρόν*) ума (пер. Т. В. Васильевой).

¹⁷³ Это первое прямое упоминание о чужестранце, если только этого не было в утраченном начале трактата. Однако следует указать на не прямое свидетельство — в 941a Сулла ссылается на «автора» (*τὸν ποιητὴν*) мифа.

¹⁷⁴ Астрономия относилась к математическим наукам, поэтому Птолемей называет свое сочинение *Μαθηματικὴ Σύνταξις* — *Математическое построение* (в русской традиции известное под своим арабским названием *Альмагест*). О геометрии, философии и священнодействии см. *Застольные беседы* VIII, 718се: «помимо того, о чем Платон часто говорил и писал, превознося геометрию как отвлекающую нас от воспринимаемого чувствами и позволяющую сосредоточиться на созерцании умопостигаемой вечной природы, которое составляет предел философии, как эпопика — предел посвящения в тайнства?... Все так называемые науки, подобно гладким и отполированным зеркалам, отражают следы и образы умопостигаемой истины: но более всего геометрия, согласно Филолаю, начало и метрополия всех наук, постепенно воспитывает разум, как бы очищая и освобождая его от чувственности» (пер. Я. М. Боровского).

¹⁷⁵ Вопреки распространенному мнению, ничто в дальнейшем рассказе не подтверждает предположения о том, что миф излагался в этих манускриптах, а сказанное в 945d скорее отвергает это утверждение.

¹⁷⁶ Ср.: Платон, *Тимей* 40d и 41a.

¹⁷⁷ Платон, *Алкиад* I, 133. Слово *κόρη* означает «дева» (по этой причине оно употреблено для таких богинь, как Афина и Персефона), а также — «зрачок».

¹⁷⁸ Гомер, *Гимн II* (К Деметре); Аполлодор, *Мифологическая библиотека* I, 5. В мифе, однако, странствовала Деметра, в то время как Земля, которую она здесь представляет, неподвижна. В мифе Персефона во мраке, когда разлучена с матерью и находится вместе с Аидом. У Плутарха, наоборот, она во мраке встречается с матерью.

¹⁷⁹ (*)Гомер, *Одиссея* IV, 563.

¹⁸⁰ У Стобея (*Ecloga* I, 49, WACHSMUTH) строки из *Одиссеи* IV, 563–4:

Ты за пределы Земли на поля Елисейские будешь
послан богами...

подтверждают представление о том, что область Луны есть пристанище праведных душ после смерти. Говорится, что «Елисейские поля» — это поверхность Луны, освещаемая Солнцем (ср.: 944с), а «пределы Земли» — это конец земной тени, которая часто касается Луны. Однако нет упоминания об Аиде, Персефоне или Деметре. Плутарх не сообщает, почему приведенная им строка из Гомера подкрепляет положение «Луна — граница Аида», но из оставшейся части мифа становится понятно, что Аид — это область между Землей и Луной (ср.: 943с). Это соответствует мифу из *De genio Socratis* 591ас, где эта область является «уделом Персефоны», а земная тень — это «Стикс» и «дорога в Аид», и где (590г) Аид и Земля отождествляются. Возможно, Плутарх решил, что раз можно показать, что Гомер помещает границу Земли на Луне, это значит также, что он считал ее границей Аида. В *De genio Socratis* 591в Луна является границей «удела Персефоны», то есть Аида, и области, которая простирается от Луны до Солнца. В 944с сказано, что

Елисейские поля — это обращенная к небесам часть Луны — та, что обращена от Земли.

¹⁸¹ Ср.: *Одиссея* IV, 565.

¹⁸² Представления Плуларха о соотношении ума, души и тела восходят к Платону: *Тимей* 30b, 41–42, 90a; *Законы* 961de, *Федр*, 247c (см. прим. 13 к настоящей статье). Плуларх сам приписывает двухчастное деление человека («многим»). Под теми, кто души считает «частью тела» подразумеваются стоики, либо эпикурейцы. Ср.: *De stoicorum repugnantis* 1052F; *De comminibus notitiis*, 1083c).

¹⁸³ О «смертной душе» или «смертной части души» см. Платон, *Тимей* 42d, 61c, 69cd.

¹⁸⁴ Этот глагол может означать также: «вводить в таинства».

¹⁸⁵ Ср.: *Об Исида и Осирисе* 367DE: «Миф рассказывает, что Геракл, обосновавшись на Солнце, странствует вместе с ним, а Гермес — с Луной» (пер. Н. Н. Трухиной); *Греческие вопросы* 297F: «Существует обычай, согласно которому человек, потерявший кого-либо из родных или друзей, тотчас по окончании траура приносит жертву Аполлону, а спустя еще тридцать дней — Гермесу: ведь считается, что Гермес так же принимает души умерших, как Земля — их тела» (пер. Н. В. Брагинской); Диоген Лаэртский VIII, 31–32. Ср.: также Порфирий, *De abstinentia* II, 16.

¹⁸⁶ *μονογενής* — как эпитет Гекаты и Персефоны (ср.: Гесиод, *Теогония* 426; *Орфические гимны* 29, 1–2) означает «единственная»; ср.: *Тимей* 31b и 92c, на которые ссылается Плуларх в *De defectu oraculorum* 423A и 423C, где толкует это слово как «единородная». Здесь он, возможно, рассматривает вторую составляющую слова в активном смысле.

¹⁸⁷ Ср.: Порфирий, *О нещере нимф* 11–12. Неоплатоники считали, что эти, описанные еще Платоном, луга расположены в воздухе под Луной: Прокл, *In rem publicam* II, pp. 132.20–133.15 (KROLL).

¹⁸⁸ О жизни на Земле, как изгнании из собственного дома см. *De exilio* 607се.

¹⁸⁹ То есть души, висящие в воздухе.

¹⁹⁰ У Платона «эфир» это верхняя, более чистая часть воздуха (ср.: *Тимей* 58d; *Федон* 109b). Но здесь слово употреблено, видимо, в стоическом смысле (см. примечание 58, с. 172 к 928d, с. 144). Ср.: [Платон], *Аксиох* 366a: «Мы — это душа, бессмертное существо, запечатое в подверженном гибели узилище... Душа, рассеянная в пороках нашего тела..., страстно стремится к небесному, родственному ей эфиру и жаждет тамошнего образа жизни, небесных хороводов, стремится к ним» (пер. С. Я. Шейман-Топштейн). Здесь, в последних строках главы 28, чувствуется влияние стоических идей: представление о «тонусе» души, питании испарениями, цитирование Гераклита. Ср.: Цицерон, *Тускуланские беседы* I, 18, 42–19, 43: «Если эти души рассеиваются, то не иначе, как высоко над Землею, если же души продолжают жить и сохраняют свой образ, то тем несомненное они возносятся к небу, прорезая и разрывая воздух более густой и плотный, который ближе к Земле. Ибо душа пламеннее и жарче, чем этот воздух... Преодолев наконец эту область, душа встречает и узнает природу, подобную себе; тогда она останавливается среди огней, в которых тончайший

воздух слился с нежарким солнечным теплом, и выше уже не движется.., здесь ее естественное место, здесь она окружена себе подобными, здесь она ни в чем не нуждается, а питает и поддерживает ее все то же самое, чем питаются и поддерживаются звезды» (пер. М. Л. ГАСПАРОВА); Секст Эмпирик, *Против ученых* IX, 71–74: «[Души], будучи легковесны и столь же огненны, сколь воздушны, легко уносятся скорее высь. Они остаются сами собою, а не “рассеиваются, как дым, отделившись от тел” (по словам Эпикура). И не тело прежде владело ими, но они были причиною совместной жизни для тела, а еще раньше и для самих себя. Отделившись от Солнца, они живут в подлунном месте. Там они вследствие чистоты воздуха пользуются более длинным сроком для пребывания, питаются свойственной им пищей — испарением с Земли, как и прочие звезды, и в этих местах не имеют ничего уничтожающего их... Если души пребывают, то они становятся тем же, что и демоны» (пер. А. Ф. ЛОСЕВА).

¹⁹¹ Об учении стоиков о «тонусе» души см. *De stoicorum repugnantis* 1054AB; *De communibus notitiis* 1085CD; *SVF* II, fr. 447–448. О метафоре «закалки» души, см. *SVF* II, fr. 804–806.

¹⁹² Гераклит, фр. 98 (DIELS-KRANZ).

¹⁹³ Аристотель, *De Partibus Animalium* 656b19–21 и 25–26; 666a16–17; Платон, *Тимей* 77e.

¹⁹⁴ *SVF* II, fr. 555.

¹⁹⁵ Платон, *Тимей* 40a; 31b–32c; *Послезаконие* 981de. Согласно *Тимею* 45b и 58c свет это вид огня, сообщающий телам видимость. Ср.: *Об «Е» в Дельфах* 12: «зрение излучает свет благодаря родству с эфиром и светом» (пер. Н. Б. Клячко).

¹⁹⁶ О влиянии затмения Луны на лишённые тел души: *De genio Socratis* 591c; о гармонии сфер: *ibid.* 590cd; *De musica* 1147; Платон, *Государство* 617b; Аристотель, *О небе* 290b12–291a28.

¹⁹⁷ Плутарх, *Эмелий Павел* 17 (264в): «Луна, полная и стоявшая высоко в небе, потемнела, померкла, изменила свой цвет и, наконец, исчезла вовсе. И в то время, как римляне, призывая Луну снова засиять, по своему обыкновению стучали в медные плиты и сосуды и протягивали к небу пылавшие головни и факелы» (пер. С. П. МАРКИША); Плиний, *Naturalis historia* II, 12, 9 (54); Тацит, *Анналы* I, 28: «сиявшая на ясном небе Луна начала меркнуть. Не зная, в чем причина происходящего, воины увидели в нем знамение.., они принялись бряцать медью, трубить в трубы и рожки...» (пер. А. С. БОБОВИЧА); Ювенал VI, 442–443. В *De genio Socratis* Луна сама вспыхивает и ревет, чтобы отпугнуть неочистившиеся души.

¹⁹⁸ Ср.: Климент Александрийский, *Строматы* V, 8 (= *Orphicorum fragmenta* fr. 33) о том, что лицо на Луне это лик Горгоны; Плутарх, *De Pythiae oraculis* 398cd; *De sera nimiribus vindicta* 566b о том, что это лик Сивиллы.

¹⁹⁹ «Красным морем» Плутарх называет Индийский океан вместе с Персидским заливом и собственно Красным морем.

²⁰⁰ О связи Гекаты с пещерой *Гомеровский гимн* II, 24–25 (пер. В. В. ВЕРЕСАЕВА).

...из темной пещеры Персеева дочь,
нежная духом Геката...

Сам Плутарх связывает *μυχός* с «наказаниями в Аиде» (*De superstitione* 167A).

²⁰¹ Даже у чистых душ, достигающих Луны, остается аффективное, подверженное страстям начало.

²⁰² На внешнюю сторону проходят души, которым предстоит «вторая смерть» (944E), на сторону, обращенную к Земле, проходят души, направляющиеся к повторному рождению в телах (945C). В *Amatorius* 766в место, в которое приходят души, чтобы опять родиться в телах, Плутарх именует «лугами Луны и Афродиты».

²⁰³ Павсаний, *Описание Эллады* V, 7, 6–10: «Когда родился Зевс, Рея поручила охрану ребенка идейским дактилям, которых также называли и куретами; они пришли из Критской Иды, и их имена были — Геракл, Пеоней, Эпимед, Иасий и Идас»; Страбон, *География* X, 3, 22 (C473): «По словам некоторых, идейскими дактилями называли первоначальных поселенцев идейского предгорья... Одни считают их местными жителями Иды, другие — переселенцами. Однако все согласно утверждают, что они впервые начали обрабатывать железо на Иде; все считают их колдунами и служителями Матери богов, жившими во Фригии около Иды... Куреты и корибанты, как предполагают, и являются потомками идейских дактилей. Во всяком случае первые 100 человек, родившиеся на Крите, назывались идейскими дактилями; 9 куретов, как говорят, были их потомками; каждый из них произвел по 10 детей, которые назывались идейскими дактилями» (пер. Г. А. СТРАТАНОВСКОГО).

²⁰⁴ Ср.: Платон, *Государство* 508с: «...чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно воспринимаемым вещам»; *ibid.*, 509b: «Солнце дает всему, что мы видим, не только возможность быть видимым, но и рождение, рост а также питание, хотя само оно не есть становление» (пер. А. Н. ЕГУНОВА). Под «Образом на Солнце» подразумевается видимое подобие Блага, проявляющееся у Солнца. Представление о том, что всякая природа стремится к благу заимствовали у Аристотеля, см. *Физика* 192a16–19 и целиком главы *Физика* I, 9 и *Метафизика* XII, 7.

²⁰⁵ (*) Гомер, *Одиссея* XI, 222.

²⁰⁶ Гомер, *Одиссея* XI, 600. Сходные толкования этого места были распространены у неопифагорейцев и неоплатоников: ср.: [Плутарх], *De vita et poesi Homeri* 133; Плотин, *Энеады* I, 1, 12; IV, 3, 27 и 32; VI, 4, 16; Прокл. *In rem publicam* I (p. 120, 22 ff; p. 172, 9 ff, KROLL).

²⁰⁷ Ср.: *De sera numinis vindicta* 564с и *Adversus Coloten* 1119A. Об уме (*νοῦς*), как истинной сущности человека см. Аристотель, *Никомахова этика* 1166a16–17 и 22–23; 1168b35; 1169a2; 1178a2–7. Платон обыкновенно говорит просто о душе (*ψυχή*), не уточняя, что является истинным «я» (*Законы* 959a; *Федон* 115с), хотя в *Государстве* 430e–431a; 588с–589b; 611се может подразумеваться только рациональная часть души. Ср.: Цицерон, *О государстве* VI, 26: «разум каждого — это и есть человек» (*mens cuiusque is est quisque*).

²⁰⁸ В *De sera tuminis vindicta* 564A говорится, что души имеют человекоподобный оттиск (*τύπος*); см. также *De vita et poesi Homeri*, ch. 123; Порфирий у Стобея I, 49, 55 (WACHSMUTH). Представление о том, что душа удерживает после смерти облик тела было распространено (ср.: Лукиан, *Правдивая история* II, 12), хотя Диоген Лаэртский (VIII, 31) говорит, что это пифагорейское учение. О том, что образ телу отпечатывает душа, которой придает форму ум, см. Прокл, *In rem publicam* II, p. 327.21–328.15 (KROLL); Плотин, *Эннеады* IV, 3, 9, 20–23 и 10, 35–42; Макробий, *Комментарий* I, 14, 8 (с. 388). В *Законах* 959ab Платон говорит: «в этой жизни каждого из нас поддерживает не что иное, как душа, тело же следует за каждым из нас как ее видимое проявление. Поэтому прекрасно говорят о мертвых, что тело их есть лишь образ [εἶδωλον], сущность же каждого из нас бессмертна: она именуется душой, которая отходит к иным богам, чтобы отчитаться там перед ними» (пер. А. Н. ЕГУНОВА). Представление о том, что душа охватывает тело, а не содержится в нем, восходит к *Тимею* 34b.

²⁰⁹ О представлениях поздних неоплатоников относительно разложения нижней души см. Прокл, *In Timaeum* III, p. 234. 9ff. (DIENL); Плотин IV, 7, 14.

²¹⁰ Эндимон — возлюбленный Селены, которому она исходатайствовала у Зевса вечный сон в наказание за страсть к Гере.

²¹¹ О Титии: Гомер, *Одиссея* XI, 576–81; Пиндар, *Пифийские песни* IV, 90; Евстатий, *Comm. ad Odysseam* 1581. 54 ff; о Тифоне: Плутарх, *Об Исиде и Осирисе* 27 и 30; о Пифоне: Плутарх, *Пелопид* 16; Страбон, *География* IX, 3, 12 (C423); Аполлодор, *Мифологическая библиотека* I, 4, 1, 3–5 (22–23).

²¹² Ср.: *Застольные беседы* 658F: «Говорят, что полнолуние благоприятствует роженицам, облегчая роды движением влаги. Думаю, что и Артемида именно в качестве Луны получила свои прозвания Лохия и Илития» (пер. Я. М. БОРОВСКОГО). Кроме того, Артемида связывалась с быстрой безболезненной смертью, ср.: *Одиссея* XI, 172–73; XVIII, 202.

²¹³ В *De genio Socratis* 591в Атропос располагается в области невидимого, Клото на Солнце, а Лахесис на Луне. Этот порядок отличается от *De fato* 568e, где согласно платоновскому *Государству* 617c, высшей является Клото, затем идет Атропос и далее — Лахесис. Третий порядок встречается у Ксенократа (fr. 5, HEINZE), где Атропос соответствует умопостижаемому и наднебесному, Лахесис — мнимому (вероятному) и небесному; Клото — чувственному и поллунному. Порядок мойр в *О лике* и *De genio Socratis* соответствует платоновским *Законам* 960c.

(Примечания М. С. Петровой)

АВТОРЫ СБОРНИКА

- БОРОДАЙ Татьяна Юрьевна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры при МГУ им. М.В.Ломоносова;
- ВИЗГИН Виктор Павлович — канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН;
- ГАЙДЕНКО Виолетта Павловна — канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН;
- ГАЙДЕНКО Пиама Павловна — доктор филос. наук, заведующий сектором Института философии РАН;
- МЕСЯЦ Светлана Викторовна — канд. филос. наук, младший научный сотрудник Института философии РАН;
- ПЕТРОВ Валерий Валентинович — канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН;
- ПЕТРОВА Майя Станиславовна — канд. историч. наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;
- РОЖАНСКИЙ Иван Дмитриевич (1913–1994) — канд. физ.-мат. наук, доктор филос. наук;
- СОЛОПОВА Мария Анатольевна — канд. филос. наук, научный сотрудник Института философии РАН;
- ШИЧАЛИН Юрий Анатольевич — доктор филос. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН;

CONTENTS

<i>Victor Vizgin</i> . In Memory of I. D. Rozhansky	11
<i>Piama Gaidenko and Valery Petroff</i> . INTRODUCTION	13
Part I. ANTIQUITY	
<i>Piama Gaidenko</i> . The Ontological Horizon of Natural Philosophy in Aristotle.....	37
<i>Victor Vizgin</i> . Interrelation of Ontology and Physics in Democritus' Atomism (taking as an instance the analysis of the concept of the Void)	78
<i>Ivan Rozhansky</i> . Plutarch's Views in Natural Science	91
<i>PLUTARCH</i> . De primo frigido (transl. and notes by I. D. Rozhansky).....	103
<i>Maya Petroff</i> . The Nature of the Soul and the Universe in Plutarch's <i>Concerning the Face on the Moon</i>	122
<i>PLUTARCH</i> . De facie quae in orbe lunae apparet (transl. by G. A. Ivanov, rev. V. V. Petroff, notes by M. S. Petroff)	132
<i>Maria Solopova</i> . Alexander of Aphrodisias and His Treatise <i>On Blending</i> in the Commentary Tradition of Aristotelianism.....	184
<i>ALEXANDER OF APHRODISIAS</i> . De mixtione et augmentatione (transl. and notes by M. A. Solopova).....	213
<i>Iouri Chitchaline</i> . Plotinus' Treatise «The Intellect, the Ideas, and the Being» in the Context of the Question of Nature	249
<i>PLOTINUS</i> . De intellectu et ideis et ente (V.9) (transl. and notes I. A. Chitchaline).....	257
<i>Svetlana Messiats</i> . Aristotelian Physics in Athenian Neoplatonism	274
<i>PROCLUS</i> . Institutio physica (transl. and notes by S. V. Messiats).....	290
<i>Tatyana Borodai</i> . Simplicius and His Commentary	324
<i>SIMPLICIUS</i> . In Aristotelis physicorum libros commentaria (I, 1). Appendix: <i>THOMAS AQUINAS</i> . In Aristotelis libros physicorum commentaria (I, Intr., Sent. 7-11) (transl. and notes by T. Y. Borodai).	329
<i>Maya Petroff</i> . The Nature of the Universe in Macrobius' <i>Commentary</i> <i>on 'Scipio's Dream'</i>	361
<i>MACROBIUS</i> . Commentarii in Somnium Scipionis (I, 8-14 and 17; II: 12-13 and 17) (transl. and notes by M. S. Petroff)	371
Part II. MIDDLE AGES	
<i>Valery Petroff</i> . The Totality of Nature and Methods of Its Investigation in Eriugena's <i>Periphyseon</i>	417
<i>JOHN SCOTTUS</i> . Periphyseon I (441A-446A; 462D-463C; 474B-500C) (transl. and notes by V. V. Petroff).....	480
<i>Valery Petroff</i> . Carolingian School Texts: Glosses from the Circle of John Scottus and Remigius of Auxerre	530
<i>Violetta Gaidenko</i> . On Thomas Aquinas' Treatise <i>On Blending of Elements</i>	592
<i>THOMAS AQUINAS</i> . De mixtione elementorum (transl. and notes by V. P. Gaidenko).....	598
Selected Works of I. D. Rozhansky.....	604
CONTRIBUTORS.....	606

**ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ
В АНТИЧНОСТИ И В СРЕДНИЕ ВЕКА**
Общая редакция Пиамы Павловны Гайденко
и Валерия Валентиновича Петрова

Директор издательства *Б.В.Орешин*
Зам. директора *Е.Д.Горжевская*
Зав. производством *Н.П.Романова*

Редактор *К. Е. Мурадян*
Корректор *Т.И.Жигунова*
Оформление *А.Б.Орешинной*
Оригинал-макет и компьютерная верстка *Е.П.Крюковой*

ЛР 065292 от 17.07.1997

Подписано в печать 15.07.2000
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38. Заказ 148

Издательство «Прогресс-Традиция»
121099 Москва, а/я 911

ОАО "Астра семь"
121019, Москва, Филипповский пер., 13